

ВАЛЕРИЙ ГУРОВ

4
ФИЗРУК

НА СВОЕЙ ВОЛНЕ

18+

Валерий Гуров

Физрук. На своей волне 4

<https://litres.ru/74317292>

SelfPub; 2026

Аннотация

Матёрый, но правильный авторитет из девяностых погибает. Его сознание переносится в наше время, в тело обычного школьного физрука. Завуч трясёт отчётность, родители собачатся в чатах, а «дети» залипают в телефонах и качают права.

Но он не привык прогибаться. Только вместо пистолета у него свисток, а вместо верных братков — старшеклассники-недотёпы, которые и отжаться толком не умеют. А еще впереди — областная олимпиада, и если школа ее не выиграет, то ее грозятся закрыть.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	41
Глава 5	57
Глава 6	71
Глава 7	85
Глава 8	98
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Валерий Гуров

Физрук. На своей волне 4

Глава 1

Не хотелось спугнуть азарт, с которым этот придурок пытался показать, кто здесь главный. Я провёл пальцем по экрану, нашёл нужную кнопку. Вся прелесть этих современных игрушек в том, что даже если ты не программист, разобраться можно за секунду.

Одно касание — и соединение пошло.

Экран мигнул, камера выровняла фокус, и спустя пару секунд передо мной возникло лицо. Вернее, рожа. Саня появился на экране в толстовке с накинутым капюшоном. Глаза были красные, воспалённые, а зрачки — узкие, напоминающие две щёлки.

Типичный вид человека, который уже давно живёт на дешёвом синтетическом бодряке. Сидел он, судя по фону, где-то в квартире. Шторы задвинуты, свет тусклый, на столе стояла банка из-под энергетика и что-то похожее на вейп. В воздухе стоял мутный дым, как в дешёвом баре после закрытия.

Контра то и дело подкашливал, но когда на экране вместо Вани увидел меня, резко замер. Кашель исчез. Глаза полезли из орбит.

— Ну, здорова, — хмыкнул я, откинувшись на спинку водительского сиденья. — Вани нет, но я за него. Какие проблемы?

Саня пару секунд моргал, будто пытаюсь сфокусировать взгляд. Потом нервно сглотнул, потянулся было к экрану — проверить, не глючит ли его техника.

— Э..., а ты кто вообще? — проскрипел он.

— Неважно, — ответил я спокойно. — Важно, что теперь ты разговариваешь со мной.

Он молчал, глядя в камеру, как олень на фары несущегося грузовика. Видно было, как внутри у него борется страх и попытка сохранить хоть видимость наглости. Щёку Контры дёрнуло, его пальцы заметно дрожали.

— Слышь... — наконец выдавил он. — А Ваня где?

— Отдыхает, — коротко сказал я.

— Так, погоди, — он замотал головой. — Это шутка какая-то, да?

— Нет. Просто тебе теперь надо уяснить, что разговор с Ваней теперь будет идти через меня.

Видно было, что Саня злился, но не решался рыпнуться. Все его «понты» моментально сдулись.

— Э-э... — протянул он, замявшись, как школьник у доски.

Похоже, мозг у паренька встал на паузу и судорожно искал хоть какой-то выход из ситуации. Саня наклонился ближе к камере, прищурился, будто от этого изображение станет

чётче, а я — понятнее.

Наверняка прокручивал в голове, где мог меня видеть и при каких обстоятельствах. Я молчал. Пусть крутится и переваривает.

— А ты вообще кто такой? — наконец выдал он с явной попыткой вернуть уверенность.

— Владимир Петрович, — на этот раз я ответил. — Физрук, школьный.

Саня судорожно пытался сделать вид, что всё под контролем.

— Э-э..., а Ваню можно услышать? — спросил он уже почти вежливо.

Было забавно наблюдать за тем, как он решил взять новую линию поведения. Типичный приём таких вот шавок, когда они чувствуют, что пахнет жареным.

— Дружок, — спокойно напомнил я, — я тебе, вроде, уже сказал, что Вани нет. Его труба у меня. Так что если у тебя есть к пацану вопросы — задавай их мне.

Я чуть подался вперёд, глядя в камеру. — Я тебя внимательно слушаю.

— Да нет... э-э... мне по этому вопросу с Ваней лично нужно поговорить, — замямлил он.

Наглость Сани окончательно испарилась, осталась одна неуверенность. Я уже собрался его жёстко прижать, чтобы понять, кто за ним стоит, но не успел.

Контра резко отвёл взгляд, что-то быстро нажал — и вы-

зов оборвался. Экран погас, а изображение исчезло. Вместе с ним — и надменная, мерзкая рожа Сани Контры.

Теперь я смотрел на пустой экран... Понятно. Разговаривать со мной, а не с Ваней, этот карманный герой почему-то не захотел. Растерялся, может... Хотя на самом деле у меня рожа тоже была не самая приятная и могла смутить при первом знакомстве.

Телефон автоматом вернулся в мессенджер. Там, где минуту назад висела вся его словесная грязь — угрозы, мат, требования, — вдруг началось «движение». Сообщения одно за другим стали исчезать.

Не просто пропадать — их именно удаляли вручную. Сания лихорадочно чистил переписку, надеясь замести следы. Я смотрел, как строка за строкой гаснут его сообщения: «Ты ответишь», «мы тебя найдём», «пароль давай» — всё уходило в пустоту, будто и не было.

Ну поговорить мы с ним толком так и не успели, хотя я ему вполне ясно объяснил, кто я такой и что готов разговаривать по поводу Вани. Но, похоже, Саня решил, что Ваня обратился к ментам, и теперь с ним говорит какой-нибудь товарищ майор. Или понял, что Ваня подтянул кого-то... В любом случае труханул.

Перезванивать я не стал. Просто так чесать языком я не хотел — ну не моё это. Вот эти разговоры по телефону — штука крайне бесполезная. И лично у меня телефонный трёп ассоциируется с сексом по телефону. Только тут удоволь-

ствия никакого, одна нервотрёпка.

Нет, в этой ситуации действовать нужно всё-таки по-другому. Спокойно и без лишней суеты. Для начала стоило поговорить с самим Ваней. Узнать, что это за история с криптой и кто тот, что обещал открутить ему башку.

Такие угрозы на пустом месте тоже не появляются. И мне нужно было понимать, что в принципе произошло, кто кому и что должен.

Конечно, у меня был соблазн пролистать переписку Вани и посмотреть, что там писали. Всё ведь под рукой: открытый мессенджер, видна история — хоть бери и читай. Но я пообещал пацану, что не буду лазать в его мобильнике.

И если уж я сказал, что не полезу — значит, не полезу. Это чужая территория, а в чужое нижнее бельё не лезут, даже если оно само зовёт.

Телефон я аккуратно заблокировал и убрал в сторону. Пора было заняться делом. Я снова взял свой мобильник, собираясь, наконец, позвонить Кириллу и сообщить, что еду. Но стоило включить экран, как я увидел целую кучу новых уведомлений.

М-да, вот мне и ещё один сюрприз. Вернее, даже не один — их оказалось сразу несколько. Пропущенных вызовов от пацанов не было, зато на экране красовались два — от тренера моего пса и штук десять звонков от Ани.

Меня будто ледяной водой облило.

Блин... точно! За всей этой суетой на шиномонтаже и воз-

нѣй со стоянкой я напрочь забыл, что Рекс до сих пор на тренировке. Я же должен был забрать его ещё пару часов назад.

— Чѣрт... — выдохнул я.

Картинка сложилась моментально: тренер, который на-верняка уже закрыл площадку и сидит, ворча, с моим псом. И Аня, которая пришла домой, не застала Рекса, а потом десять раз набрала мне, переходя из состояния тревоги в состояние ярости. Надо было срочно соображать, что делать.

Потому что если Аня уже дома, а собаки нет — разговор предстоит тяжѣлый. И, зная Аню, она спустит с меня шкуру живьѣм. Дела бедовые, чѣрт возьми.

Первым делом я набрал тренера. Нужно было понять, где Рекс. Может, пока не поздно, придумать легенду — вещь нужная. Лучше иметь под рукой правдоподобную версию, когда начнѣтся разговор с Аней.

Хрен его знает, что ей сказать... загулял с пѣселем, зашѣл по делам, задержался? Это даст пространство для манѣвра и снизит градус срача. Но сначала надо понять, где пѣс.

Гудки тянулись, я уже было думал, что тренер не возьмѣт трубку. Но на шестом гудке он всё-таки ответил.

— Да, Володя, слушаю тебя внимательно! — слышался его голос из динамика.

— Слушай, нехорошо получилось, я совершенно забыл, что мне надо у тебя своего пса забрать, — начал я.

— Очень нехорошо получилось, ты прав, Володя, — подтвердил тренер.

Я не стал молчать и сразу обозначил готовность исправлять ситуацию:

— Без базара, косяк за мной. Ты скажи, сколько я тебе за причинённые неудобства должен, и мы рассчитаемся. Идёт?

Я прекрасно понимал, что деньги — лучший «смазочный» материал в подобных историях.

Тренер вздохнул, и в голосе мужика прозвучала усталость:

— Володя, да так-то ты мне ничего не должен, — сказал он. — Это, скорее, я накосячил, брат.

Повисла колючая тишина, за которой обычно прячутся неприятные детали. И тренер, похоже, не спешил их выдавать.

— В смысле, а в чём ты накосячил? — уточнил я.

В голове сразу полезли не самые приятные мысли. Что-то могло произойти на тренировке? Ну, например, мой пёс что-то не поделил с огромными питбулями тренера, и они моего мальчика попросту перекусили пополам...

Но нет, всё оказалось несколько иначе. И я не скажу, что это было лучше, чем в случае с сожраным псом.

— Короче, тут такое дело, — начал объяснять мне тренер, — как только тренировка закончилась, я решил тебе позвонить, чтобы ты забрал свою собаку. Но ты трубку не взял, и я подумал, что ничего страшного, если я немножечко прогуляюсь и сам приведу к тебе домой Рекса.

У меня под ложечкой засвербило. Я сразу понял, куда он клонит. Что-то в его голосе насторожило, как будто человек

сейчас скажет то, чего бы я точно не хотел услышать.

— Так... — протянул я, прокручивая не самые приятные варианты развития событий.

— Я же твой адрес знаю, — продолжил тренер. — Ну и, в общем, прихожу к тебе, стучу в дверь, а никто не открывает, никого дома нет.

Я представил эту картину. Он стоит у двери с Рексом, а Ани дома нет. Собака, скорее всего, тянет поводок, нервничает, не понимает, что происходит. Тренер-то всё равно не свой — чужой человек для Рекса.

— И что дальше? — спросил я, хотя внутренне уже знал, что продолжение мне точно не понравится.

— Ну... — замялся тренер, — я постоял минут пять, подождал, может, кто появится. Ещё раз тебе звякнул... И уже думаю говорить твоему псу, что всё, собака, ты теперь останешься у меня, пока хозяин не объявится. Но тут навстречу мне идёт твоя сожительница, женщина... уж не знаю, кто она тебе по жизни, да и не моё это дело. В общем, короче, Володька, я ей решил Рекса отдать, — признался он.

Тренер сделал паузу. Я же почувствовал, как внутри всё сжалось, но затишье явно было перед бурей.

— Так, не тяни, говори, что случилось, — поторопил я.

— Ну, короче, Володя, — выдохнул тренер, — во всех подробностях я тебе рассказывать не буду. Ты же знаешь, рассказчик из меня так себе. Но, как я понял... твоя женщина вообще не была в курсе, чем мы с твоим псом целыми дня-

ми занимаемся в последнее время, — обречённо выдал он и замолчал.

Подробности мне и вправду были не нужны. Я и так прекрасно понимал, какая реакция будет у Ани. Эту девчонку к подобным новостям нужно было готовить осторожно, мягко, а тут — бац, и прямая подача без фильтра.

Ну что сказать... я сам виноват. Не уследил. Хотя, с другой стороны, как тут уследишь, если проблемы сыплются на голову одна за другой, и каждая новая — больше предыдущей. Но искать оправдания — дело последнее и бессмысленное. От этого никому не легче.

— Ладно, понял-принял, — хмыкнул я. — Ситуация, конечно, атас. Ты мне главное скажи — там у девчонки сердце не прихватило после того, как она узнала о наших тренировках?

— Это, слава Богу, обошлось, — заверил тренер. — Но, я как понимаю, на этом все наши тренировки закончатся? Ты извини, Володька. Я не знал, что у тебя там вот так обстоят дела...

— Бывает, надо было предупреждать. Так что я сам виноват, — отрезал я. — А насчёт того, продолжатся ли тренировки или нет... Я бы пока выводов не делал. Посмотрим, поговорю с ней, и там уже будет ясно. Так что ты пса со счетов преждевременно не списывай, хорошо?

— Вообще не вопрос, — ответил тренер. — Только ты это... разговаривай там осторожнее. В таком состоянии, в

каком она была, она тебя и убить может.

Я усмехнулся. Сказано, в общем-то, без преувеличений. Если Аня взвинчена, то проще поладить с роем пчёл, чем с ней. Ладно, буду разбираться с проблемами по мере их поступления.

Я уже собирался попрощаться с тренером, но всё же решил уточнить:

— Слушай, а как вообще Рекс сегодня? Есть свет в конце тоннеля?

— Прогрессирует, и значительно, — уверенно ответил тренер. — У него хоть порода и не боевая, но показывает себя твой пёс очень-очень хорошо. Так что, думаю, тренировки нужно обязательно продолжать.

— Понял, — коротко сказал я.

Мы, наконец, попрощались, и я повесил трубку. Несколько секунд сидел молча, закусив губу. Теперь придётся разъясняться с Аней.

И самое неприятное, что мне надо будет не просто признать, что я тренировал Рекса как бойцовую собаку, — а надо ещё и объяснить, как так получилось, что об этом девочка узнала не от меня, а от постороннего человека.

Я поднял взгляд на экран, где мигала целая вереница пропущенных звонков. Аня, как и большинство женщин, когда что-то идёт не так, звонила в режиме «спасательная операция».

Нет... варианты были. Можно, конечно, пока забить и не

брать трубку, и не перезванивать. Дать эмоциям остыть, потом навесить на уши какой-нибудь сказочной лапши — мол, связь глючила, телефон разрядился, срочные дела накрыли.

В общем, всё как обычно. Но я не любитель прятаться за отговорки. Есть старая истина: не откладывай на завтра то, что и так уже горит сегодня.

Я подумал пару секунд, вздохнул и всё-таки открыл список вызовов. Пальцем коснулся имени «Аня» и нажал зелёную кнопку.

Пошли гудки.

Глава 2

Если с тренером и с дружкой Василия я разговаривал прямо за рулём, то в этот раз решил от греха подальше припарковаться у обочины. С Аней такие разговоры на ходу — самоубийство.

Нервы у меня, конечно, железные, но женщины, как известно, любят их проверять на прочность. А я как раз подкинул Ане шикарный повод. Короче, буду надеяться на лучшее, но при этом морально готовиться к худшему.

Раздалось несколько длинных гудков. Я уже почти выдохнул с надеждой, что она трубку не возьмёт. Ну, бывает, занята, не слышит, потом перезвонит... Но не тут-то было.

Гудок оборвался на половине, и из динамика ударил звонкий, взвинченный голос. Аня не стала тратить время на вступления и прочие формальности и сразу пошла в решительную атаку.

— Ты вообще нормальный?! — заорала она так, что я непроизвольно отдёргнул телефон от уха. — Это что вообще за цирк?! Ты мне объясни, какого чёрта я узнаю от чужого мужика, что ты, оказывается, моего пса натаскиваешь как бойцовского?!

Мы разговаривали без видео, но ощущение было такое, будто девчонка вот-вот выскочит из телефона и окажется рядом. Вон прям тут — на пассажирском сиденье. Женщины,

они такие — живут эмоциями, и если уж им что-то не нравится, то мир об этом узнает в режиме реального времени. Аня не исключение.

— Он же весит всего пару килограммов! — продолжала тарыхтеть она. — Какие к чёрту бои, ты вообще видел, какие там собаки?! Они его проглотят и даже не заметят! Я тебе доверилась, а ты... ты что натворил, Вова?!

Она говорила быстро, на одном дыхании, даже без пауз. Аня продолжала свою словесную атаку, не сбавляя темпа. Вот уж действительно, если бы красноречие измерялось в децибелах, то сейчас она точно побила бы мировой рекорд.

Я молчал. Даже не пытался вставить ни слова.

Прекрасно понимал, что пока она не выговорится, пока буря не выдохнется, никакого толку от разговора не будет. Сейчас ей нужно было просто выплеснуть всё накопившееся. Я слушал, как девчонка сыплет упрёками, но, чтобы ускорить этот процесс, периодически вставлял короткие фразы:

— Виноват. Дурак. Согласен.

Это срабатывало безотказно. Если цель — успокоить женщину на грани нервного срыва, достаточно сказать, что ты был неправ. Просто и эффективно. В такие моменты вопрос, кто действительно виноват, вообще не имеет значения. Женщине нужно услышать, что она права, — и это уже половина успеха.

Аня, конечно, не была моей женщиной. Но принцип оставался тем же. И, как ни странно, сработал безукоризненно.

Её голос стал тише, дыхание выравнилось, а интонации сделались менее колючими. Градус разговора постепенно снижался, и я понял, что буря отступает.

Минуты через три Аня наконец выдохлась. Поток обвинений иссяк. Теоретически она могла бы пойти по второму кругу, но, похоже, сил уже не осталось. Рабочий день у девчонки был тяжёлый, весь на ногах. Так что, как ни крути, даже злость требует энергии, а энергия у Ани закончилась.

— Аня, признаю, не прав, — начал я, когда наступила хоть какая-то тишина. — Но я могу тебе объяснить, почему всё это лишь кажется страшным, а на деле не так уж и ужасно. Поверь, эта история не стоит и выеденного яйца.

Она тут же снова начала закипать. Знакомое «ну конечно, сейчас он начнёт оправдываться» зазвучало в каждом её слове.

— Так, стой, — перебил я всё так же спокойно, но уже жёстче, чем прежде. — Ты меня дослушай.

Тактика изменилась. Сначала нужно было погасить пожар, а теперь, наоборот, следовало обозначить рамки. А заодно показать, что у руля всё ещё я.

Женщина тоже чувствует уверенность мгновенно. Если дать слабину, то разговор мигом превратится в допрос с пристрастием. Вот тут и проходит тонкая грань между тряпкой, который только и делает, что извиняется, и мужиком, у которого есть характер и яйца, но без хамства.

Главное — выдержать её правильно...

— Аня, значит так, — холодно сказал я. — Либо ты меня сейчас внимательно слушаешь и не перебиваешь, либо я прямо сейчас отключусь. Разговаривать дальше в таком тоне я тебе не позволю.

— Да как ты смеешь так говорить?! — вспыхнула она. — Это ты...

Дальше всё пошло по накатанной. Очередная волна обвинений, эмоций, претензий — стандартный набор. Я не стал спорить. Просто убрал телефон от уха, дождался, пока она выпалит очередное обвинение, и отключил связь.

В таких ситуациях тоже есть правило: если уж дал предупреждение — то выполняй. Иначе все твои слова перестают что-либо значить. Последовательность здесь — это база, основа основ. Иначе потом хоть плачь, хоть кричи — эффекта не будет.

Не прошло и трёх секунд, как телефон снова завибрировал. На экране высветилось «Аня».

— Чего ты трубку бросаешь, Вова?! — загалдела она, едва я ответил на звонок.

— Я же тебя предупредил, — сухо сказал я, всё так же не повышая голоса. — Или ты тон смягчаешь, или у нас диалога не получится. Я уже сказал, что виноват и готов объясниться.

Повисла короткая пауза. В трубке было слышно её дыхание — частое и неровное. Я услышал, как девчонка набирает полные лёгкие воздуха. А заодно решает — сорваться снова или всё-таки взять себя в руки? Я не вмешивался. Но был

готов к обоим исходам.

Прошло несколько секунд. Аня всё-таки выдохнула и заговорила снова. Голос остался язвительным, но уже не визгливым, и злость наконец уступила место раздражённой усталости. Ничего приятного она не говорила, но тон всё-таки изменился. И этого было достаточно, чтобы разговор наконец перешёл в нужное русло.

— Володя, ну как ты мог это сделать? Как тебе вообще могло в голову прийти, а? Я ведь теперь совсем не узнаю своего мальчика... Пончик стал какой-то другой, не такой, как раньше... Хотя он теперь и на имя своё не отзывается!

— С собакой-то всё хорошо? — спросил я.

— Ну... — она замаялась. — Вроде бы с ним всё нормально. Но я всё равно хочу завтра показать его ветеринару.

— Зачем?

— Потому что теперь он наотрез отказывается есть свою обычную еду, — раздражённо пояснила Аня. — Ему теперь подавай твою дурацкую сырую говядину! Ты скажи, зачем ты вообще это начал? У собак от сырого мяса могут завестись глисты, а лечение потом долгое и неприятное.

Я невольно улыбнулся. Для Ани это, конечно, был шок — её «мальчик», как она называла Рекса, вдруг перестал быть милым пушистым созданием. Вместо этого он начал вести себя иначе, по-другому. Как грязный потный мужик после тяжёлого рабочего дня на заводе.

Но для меня это было естественно. Главное, чтобы хозяй-

ка пса поняла, что всё, что я делал, — не ради экспериментов. И, разумеется, не из желания «переделать» её любимца. Наоборот, всё исключительно во благо собаки. Рекс должен был стать увереннее, сильнее, спокойнее.

Это и была моя цель. Вот только объяснить всё это по телефону бессмысленно. Такой разговор нужно вести с глазу на глаз, когда можно видеть реакцию, почувствовать настроение.

— Ань, давай так поступим, — предложил я. — Я как только со своими текущими делами разберусь, сразу вернусь домой и всё тебе поясню.

— Володя, — ответила она после короткой паузы, — если честно, я не представляю, что ты должен сказать, чтобы я тебя поняла.

Ну хотя бы так. Хотя бы не отбила разговор с порога. Значит, шанс донести до девчонки свой посыл всё-таки имеется. А если шанс есть, то значит, всё можно разрулить.

— И когда ты будешь дома? — спросила Аня уже заметно спокойнее, но голос оставался настороженным.

Я объяснил ей, что у меня ещё есть несколько незавершённых дел, связанных с машиной.

— Как только закончу — сразу домой, — пообещал я. — По времени это займёт часа два, может, три.

Я уточнил, что точнее сказать не могу. Всё зависит от того, как быстро разрулю текущие вопросы.

— Ты всё равно в это время ещё не ложишься спать, —

сказал я. — Так что, думаю, дождёшься.

— Хорошо, Володя, я буду тебя ждать, — согласилась она.
— А у тебя там всё в порядке? Почему ты не смог забрать Рекса у тренера вовремя?

— У меня дела лучше всех, — заверил я.

И этим ограничился, решив не вдаваться в подробности. Всё-таки нагружать её сейчас всем тем, что на меня навалилось за последние часы, не было ни смысла, ни необходимости. Пусть лучше подождёт объяснений при встрече.

— Ну ладно, — вздохнула Аня. — Только постарайся не задерживаться слишком долго, хорошо?

— Хорошо, — ответил я. — Как только закончу, сразу еду домой.

Мы попрощались, и я почувствовал, что хотя бы на время ситуация стабилизировалась. Аня выговорилась, я обозначил позицию, и теперь у неё есть несколько часов, чтобы остыть.

— Ладно, буду тебя ждать, — повторила Аня.

— Твой Котя там не активировался? — спросил я, вспомнив про трудовика.

— Нет, слава Богу, нет. И вообще, не напоминай мне про этого человека, Володя, — сразу отрезала девчонка. — Я полностью вычеркнула его из своей жизни.

— Ну и правильно...

Мы попрощались, и я отбросил телефон на пассажирское сиденье. Включил поворотник, выехал на полосу и прибавил

газу. Пора было выдвигаться — пацаны уже заждались.

Но не успел я проехать и сотню метров, как телефон снова завибрировал. Я бросил взгляд на экран и увидел новое сообщение. От Ани. Взял телефон, мельком глянул, что она мне написала. В сообщении было несколько ссылок, а следом прилетело голосовое.

— Володя, я, как обещала, узнала по твоему вопросу по бизнесу. Ты тогда, как выдастся свободная минутка, посмотри, — сказала девчонка деловым тоном.

Ну вот, что называется: ничего личного — только бизнес. Про Рекса мы уже забыли! После всех этих эмоций и телефонных бурь звучало почти странно, но в этом и была Аня, насколько я успел её узнать.

Девчонка могла за пять минут сменить гнев на милость. Прямо сейчас, правда, было не до ссылок. Чтобы их открыть, пришлось бы снова останавливаться, а я не собирался терять время.

Я решил записать короткое голосовое пацанам.

— Подъезжаю, буду через несколько минут, — сказал я в микрофон и отправил сообщение.

Город у нас был небольшой, и здесь от одного конца до другого можно было долететь минут за пятнадцать, если без пробок. А в такое позднее время их уже не было. Я чуть поддал газу и минут через пять увидел впереди нужное место — ту самую эстакаду, где я договорился встретиться с пацанами.

Пацаны были на месте, только стояли как-то странно — не кучкой, а поодаль друг от друга, переминаясь с ноги на ногу. Слишком уж далеко от собственно нужного нам места.

Ощущение было такое, будто они чего-то ждали... или ко-го-то сторожились. На улице было не май месяц — вечер выдался холодный, промозглый. И если молодёжь реально торчала здесь уже два часа, то продрогли парни основательно.

Я посигналил им и моргнул дальним светом, чтобы заметили. Пацаны сразу оживились: начали махать руками, один даже подпрыгнул на месте. Видно было, что рады видеть меня, что, кстати, неудивительно после такого ожидания. Но вместе с радостью на их лицах мелькало что-то ещё... Неуверенность, настороженность? Да вот не пойму.

Я остановился неподалёку от эстакады. Она, кстати, была не пуста — на ней мужик возился с «Нивой», проверяя что-то под капотом. Когда я подъехал, он поднял голову и с любопытством посмотрел на меня. Причём посмотрел оценивающе, будто прикидывал, кто приехал и зачем.

Я дёрнул ручник, заглушил двигатель и вылез из джипа, подходя к пацанам. Поздоровался с каждым за руку.

— Мужики, неудобняк получился, что столько времени пришлось меня ждать, — сказал я, сразу обозначив, что понимаю ситуацию.

Пацанов, кстати, было ровно столько же, сколько тогда в торговом центре. Видно, у Кирилла была своя компания, сплочённая. Мои ученики держались вместе и друг друга не

бросали. Корешки. Правильно. Так и надо по жизни двигаться — плечом к плечу, не подставляя, но и не сдавая своих.

— Да ничего, Владимир Петрович, если бы надо было, мы бы вас ещё столько же ждали, — заявил Кирилл.

По тону пацана я понял, что он сказал не просто для вежливости. Кирилл говорил искренне. Да и остальные согласно кивнули, подтверждая, что ждут не из-под палки. Признаюсь, приятно. Когда видишь, что пацаны к тебе относятся с доверием и уважением, — это дорогого стоит. Я всегда считал, что к людям нужно относиться так, как они относятся к тебе. И если уж кто-то держит слово, то и я не забуду, когда ему самому понадобится поддержка.

— Пацаны, я вижу, что вы тут продрогли, — сказал я, глядя, как они кутаются в куртки. — Прыгайте в машину: всё равно пока эстакада занята — хоть отогреетесь.

Я показал на свой джип. Кирилл кивнул, ребята переглянулись и приняли предложение без лишних слов. Внутри джипа было тепло. Двигатель я не глушил, печка работала на полную, так что от холода не осталось и следа.

— Может, что надо? Кофе там или чай? Чтобы согреться. Есть сейчас где открыто? — спросил я, оглядывая их.

— Да не, Владимир Петрович, — ответил Кирилл, — мы уже ходили, чай пили.

Он кивнул на урну неподалёку, где валялись бумажные стаканчики.

— Услышал, — сказал я, кивнув.

Я осмотрел их внимательнее. Ни у кого из пацанов в руках не было инструмента. В принципе, логично — не будут же они стоять с железом в руках. Наверняка поставили где-то ящик рядом. Но я обвёл взглядом площадку и нигде не увидел ящика.

В принципе, теперь ящик с инструментом был у меня — там лежало всё необходимое, чтобы снять лебёдку и остальное оборудование с джипа. Но я всё-таки решил уточнить у пацанов, где их инструмент. Они же обещали прихватить свой...

— Да вот, Владимир Петрович, — замялся Кирилл, — с инструментом непонятно вышло, — признался он искренне, но с какой-то неловкостью в голосе.

Я посмотрел на него внимательнее. Пока он говорил, его взгляд то и дело скользил в сторону мужика, копошившегося со своей «Нивой» на эстакаде. Причём смотрел Кирюха не просто так, а как будто проверял реакцию мужика на наш разговор.

Мужик, кстати, тоже поглядывал на нас. Вроде бы не настороженно, но явно с интересом. Старался не выказывать, что слушает, но взгляд выдавал — прислушивается.

Не, то, что мужик смотрит, — это как бы понятно. Наверное, чувствует себя неловко, мол, занял эстакаду, а мы стоим и ждём. Нормальная бытовуха. Но вот почему Кирилл на него так посматривает... вот это уже вопрос.

Я сразу насторожился. В голове мелькнула мысль, что

между моими пацанами и этим мужиком, похоже, уже был какой-то разговор. А может, и конфликт.

— Случилось что, пацаны? — прямо спросил я, переводя взгляд с одного на другого. — Ну?

Кирилл замялся буквально на секунду, потом выдохнул и признал:

— Владимир Петрович, короче, тут непонятка получилась, — сказал он, не пытаясь юлить.

— Говори, что у вас тут случилось, — попросил я, понимая, что попал в точку.

— Короче... — Кирилл кивнул в сторону того самого мужика. Он как раз в этот момент поднял голову и посмотрел в нашу сторону, будто почувствовал, что речь о нём. — Мы тут уже давно стоим. И когда пришли, была очередь. Ну и так вышло, что мы этого мужика вперёд пропустили. Думали, быстро управится.

Он вздохнул, замялся на полуслове. Я кивнул, слушая, но пока не совсем понимал, в чём, собственно, проблема. Ну пропустили мужика вперёд — бывает. Что тут особенного? Кирилл, видимо, уловил мой немой вопрос и продолжил:

— В общем, Владимир Петрович, мы его вперёд пропустили, а он потом сказал, что за ним ещё несколько человек заняли очередь, — пояснил он, явно раздражённый.

— Так, понятно. Дальше говори.

Тон у Кирюхи был уже не просто раздражённый — парень еле сдерживался, чтобы не сказать грубее. Я же начинал по-

нимать, что дело не в том, кто там первый или второй на эстакаде.

Боковым зрением я заметил, что этот «товарищ» с «Нивой» вдруг отошёл чуть в сторону, достал телефон и кому-то позвонил. Он стоял метрах в двадцати, спиной к нам, но я уловил, что он разговаривает на повышенных тонах.

При этом он то и дело косился в нашу сторону, будто контролировал, что мы делаем.

Глава 3

Выглядело всё так, будто хозяин «Нивы» был не слишком рад моему появлению. С первого взгляда чувствовалось напряжение. И звонил он сейчас явно не для того, чтобы узнать, как дела у жены или поужинали ли дети.

— В общем, Владимир Петрович, — продолжил Кирилл, — мы ему попытались объяснить, что вы вот-вот приедете, и нам тоже понадобится эстакада. Что мы, так-то, его пропустили вперёд в очереди, а теперь, когда вы подъедете, хотим просто занять своё место.

Он замолчал и переглянулся с остальными пацанами. Видно было, что решает — говорить ли дальше или замять историю. Я не торопил пацана, просто ждал.

Наконец Кирилл решился. Вздыхнул, потёр ладонью лицо.

— Короче, Владимир Петрович... этот мужик нас, похоже, не так понял.

— В смысле? — уточнил я.

— Ну... — протянул Кирилл, заметно нервничая. — Он забрал у нас инструмент. И сказал, что не отдаст его, пока не приедет кто-то из взрослых.

Я помолчал, обдумывая сказанное. Сразу же внутри щёлкнуло то самое чувство, которое редко подводит. Интуиция. Она сигнализировала чётко, что здесь что-то не сходится.

Не то чтобы пацаны мне врали. Нет... Но они явно что-то недоговаривают. Мужик ведь не просто так полез бы в чужой инструмент. А тем более не стал бы отбирать его без причины. Значит, что-то было до этого.

Я перевёл взгляд на остальных. Те стояли молча, головы опущены, глаза бегают. У всех был один и тот же вид — вроде и виноваты, но надеются, что я сам всё разрулю без лишних расспросов.

Ну да, понятно. Пацаны у меня не ангелочки. Могли что-то ляпнуть, подколоть, посмеяться. А мужик, похоже, оказался не из тех, кто спокойно реагирует на такие моменты.

— Так, пацаны, вы мне как есть говорите, что дальше произошло, — строго сказал я, пробежал взглядом по каждому.

Молчание затянулось на секунду-другую, потом слово взял Гена.

— Владимир Петрович, просто я ему сказал... — он тяжело вздохнул.

— Говори уже, чтобы я в курсе был, — подтолкнул я.

Гена собрался с духом.

— В общем, Владимир Петрович, я ему сказал, что когда вы приедете, то вы ему жопу порвёте.

Сказав, Гена сразу же опустил глаза в землю, побледнел. Пацан понимал, что поступил нехорошо. Это было видно по тому, как он сжал кулаки. Он, походу, боялся, что я начну его отчитывать на виду у всех.

Но нет, отчитывать его прилюдно я, естественно, не со-

бирался. Не мой стиль. В этом плане я придерживался совсем других принципов. Все разборы полётов устраиваются потом, наедине, когда эмоции улягутся и разговор можно вести спокойно.

Сейчас же был момент, когда пацану нужна была не нотация, а поддержка. Да, Гена поступил глупо. Сказал сгоряча, не подумав, но пацан он не злой. Скорее всего, просто вспылil, хотел показать, что за ним есть кто-то старший, кто может за него постоять. И оставлять его одного в этой ситуации я не собирался.

Свои — это свои. Их поддерживаешь до конца, независимо от обстоятельств. А потом, когда всё закончится, надо объяснить, где Генчик неправ и почему.

— Услышал, — наконец сказал я. — Сейчас что-нибудь придумаю...

— Чё мы теперь делать будем, Владимир Петрович, молчать козла? — выпалили пацаны в один голос.

Я видел, как у них глаза горели. В головах у них был только один вариант — физическое решение вопросов. Парни, которые уже видели меня в деле, похоже, ждали от меня не слов, а действия в их понимании. Потому и включили режим «вот-так-всех-решаем».

— Вы не правы, — заверил я. — Бить его сейчас — не решение. Он один против всех нас. Некрасиво мужика толпой гасить, согласны?

Пацаны не ответили.

— Слушайте, — объяснил я, — мы разберёмся так: я подойду, поговорю с ним. Если он полезет на конфликт, то... — я коротко пожал плечами. — Но я не начну драку просто потому что. Я не хочу, чтобы у вас в голове закрепились, что проблемы надо решать только дракой. Поверьте моему опыту, это тупик.

Я дал пацанам небольшую паузу, чтобы мысль усвоилась.

— Всё-таки в основе всего диалог, — продолжил я. — Но если разговор не идёт и нет другого выхода, то тогда да, приходится действовать физически. Но, — я поднял палец, — это крайний вариант, не по умолчанию.

Я хотел показать пацанам на своём примере, как поступать в подобных случаях. Сначала надо пробовать решить конфликт словами, ну а потом уже по обстоятельствам. Хотелось, чтобы они понимали разницу между умением постоять за себя и вхождением в маргинальную тупую драку.

— Так что, пацаны, нет, мочить мы никого не будем — «мочилка» у вас ещё не выросла, — заключил я.

Кирилл хмуро молчал, но в глазах у него горела та же готовность. Я знал, что одним словом их не остановишь, нужна простая и понятная инструкция.

— Слушайте план ещё раз и чётко, — сказал я, разложив по шагам: — я подхожу первым, вежливо прошу вернуть инструмент. А вы ждёте меня здесь, не лезете, не кричите и не дёргаетесь. Уяснили, молодёжь?

Кивнули все.

— А если он начнёт вас бить? — робко спросил Миша.

— Тогда буду защищаться, — пояснил я.

Я посмотрел на мужика с «Нивой». Он стоял с телефоном в руке, наблюдал. В его позе не было открытой агрессии, но и расслабленным он не выглядел. Значит, шанс договориться есть.

— Так он на нас по-борзому гонит, и что, мы должны с этим мириться? Почему он позволяет себе такое и мы должны с ним считаться? — выпалил Гена, наконец не сдержавшись.

Я внимательно посмотрел на пацана.

— А ты не допускаешь, Гена, что вы просто друг друга не так поняли? — уточнил я.

Он хотел было снова возразить, но я не отводил взгляд, сузил глаза. Гена тут же оставил попытки возражать.

— Нет, Гена, — продолжил я уже мягче, — всегда нужно давать людям шанс. Тогда и жить будет проще.

Я обернулся на мужика у «Нивы». Видно было, что он упрям и не склонен первым идти на примирение. Ладно. Надо было пойти к нему и выяснить всё. Есть ли у него серьёзные вопросы к моим пацанам или всё это обычная бытовая шняга, которую можно решить словами.

— Ладно, пацаны, ждите здесь, — сказал я. — Я сейчас всё порешаю.

— Вы, если что, свистните, Владимир Петрович, — сказал с серьёзным видом Кирилл. — Не все ведь люди понятливые,

но вы и сами знаете...

— Знаем.

Я развернулся и пошёл прямо к мужику. Тот, заметив, что я направляюсь к нему, заметно напрягся. Я и сам прекрасно понимал, что пацаны, скорее всего, рассказали мне далеко не всё, что здесь произошло.

Но ничего, сейчас узнаю всё напрямую, без посредников. Лучше один разговор с человеком, чем десять пересказов через третьих лиц.

— Слышь, мужик, здорова, — спокойно начал я, подходя ближе.

Я специально шёл максимально расслабленно, без резких движений, чтобы не провоцировать его на конфликт. Однако провоцировать агрессию тут, похоже, было не нужно.

Она уже была. Хозяин «Нивы» посмотрел на меня хмуро, в упор, в глазах у него была явная агрессия. Я сразу заметил, как он слегка развернул корпус и поставил ногу вперёд. Так-то это классическая позиция для драки...

— Дружище, — продолжил я, всё-таки решил сразу не сдаваться, — знаю, что у тебя с моими ребятами какие-то непонятки вышли. Давай по-человечески: в чём суть конфликта, можешь обрисовать?

Но, увы и ах... по выражению лица мужика я быстро понял, что диалога он явно не ждал и не особо хотел. Очень похоже, что хозяин «Нивы» из тех, кто заранее всё решил: «Я прав — и точка».

Я держал дистанцию примерно два метра, чтобы в случае чего успеть среагировать, если он на меня рванёт. Однако позицию держал максимально нейтрально — руки свободно опущены, глаза не отводил. Такие вещи тоже читаются мгновенно.

Мужик, кстати, был крепкий, широкий в плечах, лет под сорок пять. По нему было видно, что он не первый раз готовится решать вопросы через силу. И, похоже, перспектива того, что за моей спиной стоит группа подростков, его не пугала вообще. Наоборот, словно подзадоривала.

И отвечать на мой вопрос мужик не собирался вовсе. Стоял, сверлил меня взглядом, будто хотел показать, что диалог ему до лампочки. Гордыня? Или просто характер такой... Хрен его знает, чего он там себе придумал.

Но уже через пару секунд стало ясно, на что он рассчитывал. Из-за поворота, визжа колёсами, на площадку под эстакаду влетели сразу две «Нивы». Обе — точно с такими же грязевыми колёсами, как у меня стояли на джипе. Фары выхватили меня и мужика из темноты.

Две машины встали зеркально — одна по левую, другая по правую руку от меня. Тормозили резко, с визгом, оставляя на асфальте жирные чёрные полосы.

Всё было очевидно. Это были его дружки... наверняка те самые, кому хозяин «Нивы» звонил минутой раньше. Звонил не маме, не жене и даже не соседу по лестничной клетке. Нет, он вызывал подмогу. И теперь эта подмога приехала.

А судя по всему, эти подъехавшие мужики явно не жили в паре километров отсюда. Значит, товарищ заранее ждал подкрепления и, видимо, при помощи этого подкрепления собирался ломать моих пацанов. Вот только я хотел показать ребятам, что конфликт можно решать и без физики... М-да, теперь моё утверждение врезалось лбом в реальность.

Очевидно, что, имея численное преимущество, эти люди простым и понятным языком собирались навешать нам люлей. И устроить показательное наказание, чтобы в следующий раз неповадно было.

Мужиков действительно было больше, они были покрепче моих школьников. Но и я не раз попадал в жёсткие ситуации и всегда выходил победителем.

Мужичок дождался, пока его братки вылезут из машин. Тут же посмотрел на меня своим перекошенным от гнева лицом, ноздри раздулись.

— Слышь ты, переговорищик недоделанный, а это кому ты здесь жопу собрался рвать? — прорычал он. — За базар гнилой свой отвечаешь?

Вон, значит, как заговорили... ясно.

— А ты, что ли, с меня спросить хочешь? — вскинул бровь я. — Даже в ситуации не разобравшись?

Говорил я это не потому, что верил в возможность договориться. Уже нет, мне просто нужно было выиграть секунду-другую, чтобы прикинуть расстановку сил. Разговор тут уже был не о том, кто прав. Нет. Они приехали явно за тем,

чтобы показать силу.

Я посмотрел по очереди на каждого из этой группы поддержки. Нужно было понять главное: кто из них первый рыпнется. У каждого из них в руках что-то было — молоток, лом...

Мои пацаны уже готовы были кинуться в драку, но я вскинул руку — остановил их, чтобы не лезли раньше времени.

— Мужики, — сухо предложил я, — я не хочу этого. Давайте сначала спокойно разберёмся. Вы отдаёте инструмент — и мы бьём расход.

Мужики молчали. Один из них сжал молоток так, что жилки на руке вздулись. Ситуация висела на волоске. Но к моему удивлению, мужики не кинулись мгновенно в драку. Возможно, ждали сигнала от своего главного. Он, кстати, заговорил, показывая, кто среди них основной.

— Что за расклад, что тут произошло? — спросил он, оставляя призрачный шанс на конструктивный диалог.

Я уже собрался прояснить ситуацию, как взгляд скользнул по говорящему. И в ту же секунду у меня от удивления полезли глаза на лоб. Я не смог скрыть эмоций, они просочились в выражении лица.

Ни хрена себе какие люди!

Мишу я узнал сразу. Просто не мог не узнать. Он был моим давним знакомым — одним из тех парней, кто когда-то ходил в мой зал. Именно ради таких простых пацанов, ради их будущего, я тогда жил и действовал. И именно ради них

я когда-то подорвал на гранате Бармалея, чтобы не дать поломать своим близким жизни.

Годы взяли своё, и всё же, глядя на Мишу, я поймал странное ощущение... передо мной будто стоял тот самый пацан со двора! словно и не прошло тех тридцати лет между «тогда» и «сейчас». Это было необычно...

Но Мишка изменился — это очевидно. Если тогда ему было семнадцать или восемнадцать, то теперь передо мной был взрослый мужик. Почти весь в седине, с лицом, отточенным годами. Но в глазах у него остался тот же блеск, что и раньше. Тот самый блеск, который и тогда выдавал в нём живого, несломленного человека.

Миша, разумеется, меня не узнал. И не мог узнать — всё-таки тело было другим, лицо чужим, возраст тоже был другой. Но глаза... да, глаза у меня были те же. Я ещё в первый день, когда увидел себя в зеркале, отметил это — взгляд остался моим и не изменился.

И, кажется, именно это почувствовал Миша. Он посмотрел мне в глаза и вздрогнул. На миг в его глазах словно мелькнула догадка. Не могу сказать, что он помнил мой взгляд — тридцать лет, всё-таки, срок.

Но он помнил то чувство, ту внутреннюю волну, что когда-то испытывал под моим взглядом. И этого оказалось достаточно, чтобы в нём что-то ёкнуло.

— Миша, — вырвалось у меня само из глубины памяти. Миша нахмурился. Он напряжённо посмотрел на меня,

будто пытаюсь вспомнить, где и когда уже слышал этот голос, пусть и в ином тембре, и видел этот взгляд — пусть и в другом лице.

— Слышь, Арматура, да что ты с ним ещё базаришь! — встрял тот мужичок, с которым у моих пацанов произошёл конфликт. — Тут базарить даже не о чем, я же тебе по телефону ещё сказал, что этот фрукт мне собирался жопу розочкой сделать.

Ему правда хотелось подраться — это читалось в каждом его движении. Но тут важный момент: если бы он реально был «силой», то не стал бы ждать, пока приедет хоровод с подмогой и создаст численное преимущество. Сильный решает сам. Так что этот мужик — не совсем тот, за кого себя выдаёт.

Он шагнул ко мне, уже заноса руку для удара, но ударить не успел. Миша, которого звали здесь Арматурой, молниеносно перехватил его запястье.

— погоди, Копчёный, — отрезал он.

Копчёный, значит... ну, неприятно познакомиться, урод. Копчёный замер, было видно, что он явно привык слушаться Мишу и не спорил, хотя в его глазах всё ещё плясало раздражение.

Миша перевёл взгляд на меня.

— Паренёк... — сказал он, чуть прищурившись. — А откуда ты меня знаешь?

Эх, сказать бы ему, что я никакой не паренёк, что я... это

я! Тот самый человек, под чьим взглядом он когда-то стоял семнадцатилетним пацаном в зале. Но нельзя ведь!

В ответ пришлось лепить первое, что пришло в голову:

— А я тебя на фотографиях видел... в архивах у отца. Там, где старые снимки, — сказал я, делая вид, что вспоминаю. — Вот и узнал сразу.

Сказать, что Миша удивился, — это ничего не сказать. Его брови медленно поползли вверх, глаза расширились, а на лице отразилось неподдельное изумление. Он явно не ожидал такого поворота.

— Ты про что говоришь, пацан? — выдавил он, и в голосе послышалась хрипотца, словно в горле пересохло. — Кто твой отец? Мы с ним знакомы?

Он вглядывался в меня пристально, изучающе. Но, разумеется, ничего не находил. Как бы он ни шурился, как бы ни напрягал память — перед ним стоял чужой парень. И всё же... что-то в моём взгляде, в интонации, в сдержанной уверенности не давало ему покоя.

Я же понимал, что если уж выбрал эту линию, то отступить нельзя. Поэтому, не моргнув, ответил:

— Я сын... — и я назвал своё настоящее имя и ту погреху, по которой он меня знал в прошлой жизни.

Миша аж чуть дёрнулся, будто от удара.

— У матери остались фотографии тех лет, — добавил я. — Она хранила их всю жизнь.

Миша слушал молча, не перебивая. Чем дольше я гово-

рил, тем сильнее хмурилось его лицо. Он словно пытался собрать воедино разрозненные куски мозаики, но картинка никак не складывалась.

Когда я закончил, он просто стоял, глядя на меня всё так же пристально. В его глазах читалось явное ошеломление. Да, теперь он был поражён куда сильнее, чем тогда, когда я сказал, что видел его на старых фотографиях.

И это было неудивительно. Ведь никакого «сына» у меня, естественно, никогда не существовало. Но уж если я эту легенду озвучил... теперь нужно было держаться её до конца.

Отступить теперь значило поставить под сомнение всё, что я успел наговорить, а этого допустить было нельзя.

Глава 4

Миша провёл ладонью по лицу, словно пытаясь сбросить наваждение.

— Арматура, да что ты его слушаешь! — взвился Копчёный, не выдержав паузы. Он всплеснул руками, голос у него стал визгливым, злым. — Ты чё, не видишь, что он тебе порожняк конкретный втирает?!

Он стиснул кулаки, подошёл ближе и вперил в меня свои узкие, поросячьи глазки, полные ненависти и страха. Взгляд у него был уже не просто агрессивный — теперь в нём чувствовалось что-то личное. Такое чувство, что я сам по себе вызывал у него отвращение одним фактом своего существования.

Миша не обернулся, он всё ещё молчал, не реагируя на выкрики Копчёного. Его глаза оставались прикованы ко мне и, как мне показалось, в них промелькнула едва заметная искра сомнения... или узнавания.

Вообще, если положить руку на сердце, есть одна старая и проверенная поговорка: «Скажи, кто тебя окружает, и я скажу, кто ты». Рабочая, точная формула. Только вот в этот раз, похоже, она дала сбой.

Я слишком хорошо знал Мишу. Знал, какой он был человек — честный, прямой, из тех, кто не ищет выгоды, а живёт по совести. Я сам когда-то воспитывал в нём эти качества

и вкладывал в него те ориентиры, по которым должен был жить мужчина. И парень тогда всё это впитывал как губка.

Но прошло тридцать лет. Время всё-таки штука беспощадная. Оно ломает людей, гнёт, переплавляет. И всё же я хотел верить, что тот Миша, которого я знал, никуда не делся. Что под этой новой оболочкой всё ещё есть тот парень с прямым взглядом и чистой душой.

Сейчас я и собирался это проверить.

— Погоди, — неожиданно сказал Миша, подняв руку. — Это, похоже, свои.

Копчёный замер, не сразу поверив в то, что услышал. Потом фыркнул, зло скривившись:

— Слышь, какие они, нахрен, свои, Арматура?! Я же тебе сказал — мне его шкет заявил, что они мне жопу розочкой порвут!

Он говорил на повышенных тонах, пуская брызги слюны, и почти подпрыгивал на месте от ярости. В голосе — чистая истерика.

Миша, всё так же не поворачивая головы, медленно выдохнул. Чувствовалось, что этот болтун Мишу конкретно раздражает.

— Я сказал, — повторил он, — погоди.

И в этот момент я понял, что тот самый Миша, которого я помнил, всё-таки остался прежним.

Но Копчёный продолжал возмущаться. Лицо у него покраснело, вены на шее вздулись, а в голосе слышался исте-

ричный надрыв. Так обычно ведут себя люди, готовые на любую глупость ради того, чтобы не показаться слабыми. Вот глупость я от Копчёного и ждал.

Честно говоря, мне очень хотелось сейчас просто врезать ему правым прямым. Коротко, чётко, в челюсть, чтобы пасть у него наконец захлопнулась. Но я понимал, что нельзя. Сейчас драка означала бы одно — рисковать пацанами, моими школьниками, которые стояли чуть позади и уже, похоже, начинали закипать.

А если вспыхнет потасовка, эти горячие головы полезут в гущу событий, и тогда всё может закончиться не просто синяками.

Так что расправу с этим мутным типом с кличкой, от которой даже пахнет тухлым, я отложил.

Не отменил, нет, просто перенёс.

На потом.

Я спокойно посмотрел на Копчёного.

— Послушай, я тебе лично что-то говорил? Про твою жопу и про то, что я с ней, по твоим словам, собирался делать?

Он замер. Губы всё ещё дрожали от злости, но в его глазах мелькнула неуверенность. Копчёный понимал, что я ставлю его в тупик простым вопросом.

— Ну... не, — пробурчал он, сжимая кулаки. — Не ты, пацаны твои.

— Вот именно, — кивнул я. — Пацаны могли и ляпнуть. Молодые, горячие, сам понимаешь. Но я такого не говорил.

Так что не путай воздух с делом.

— Слышь ты, — начал Копчёный, с трудом собирая слова, — мне твои шкеты сказали, что когда ты приедешь, то ты мне сделаешь... Я не хочу повторяться, что именно, но ты им это пообещал, — процедил он.

— Это ты слушай, — отрезал я, — если бы я хотел что-то сделать, я бы сделал это без предупреждений и разговоров.

Глаза Копчёного сузились, он пытался понять, шучу я или говорю всерьёз.

— Но конкретно к тебе я сейчас подошёл, чтобы поговорить и выяснить, в чём была проблема.

Копчёный продолжал дёргаться, считая себя вправе требовать расплаты. Но я не дал ему пищи для новой истерики, чем поставил в тупик.

— Поэтому, — продолжил я, — рассказывай, что было. Я слушаю.

В целом я понимал, что мои пацаны хоть и горячие, но не идиоты. Просто так такие слова не бросают. Если они сказали, что этому типу «порвут жопу», значит, Копчёный вёл себя так, что сам это заслужил.

И теперь, глядя на него вблизи, я окончательно убедился, что он мерзкий человек. Из тех, кто вечно ищет повод показать силу там, где нужно просто иметь совесть.

После моих слов Копчёный будто завёлся сильнее. Грудь у него заходила ходуном, ноздри раздувались, а зубы скрипели. Я прям видел, как он весь изнутри кипит и ищет при-

чину взорваться.

— Слышь ты, чё, думаешь, я перед тобой отсчитываться буду?! — зашипел он.

Но тут Миша положил руку на плечо Копчёному и отодвинул его в сторону. Так, что тот сразу осёкся, будто понял, что спорить с ним бесполезно.

— Стой, тебе же предлагают по-человечески поговорить, — процедил Миша.

Копчёный что-то забормотал в ответ, но Миша резко качнул головою и заговорил ему прямо в ухо. Я не всё расслышал, но отдельные слова всё-таки распознал.

— Сын... уважаемого человека... — доносилось до меня. — Не рыпайся, я сам с ним поговорю.

Миша при этом пару раз ткнул пальцем Копчёному в грудь — не сильно, но так, что тот понял, что спорить тут не стоит. Копчёный отвёл взгляд, зло выдохнул. Услышанное, похоже, пришлось ему не по вкусу, но перечить Мише он не решился.

Видно было, что авторитет Арматуры здесь был на высоте.

— Мужики, — сказал он, — нам с человеком нужно переговорить с глазу на глаз. Поэтому не обессудьте.

Мужики переглянулись, синхронно кивнули и, не задавая лишних вопросов, сами отошли к своим «Нивам». Один закурил, другие начали разговор, но глаза у всех были направлены на нас.

Я в ответ повернулся к своим пацанам, показал им боль-

шой палец, заверяя, что всё под контролем.

Пока Миша провожал перевозбуждённого Копчёного «на перекур», я отошёл к своим. Из внутреннего кармана достал ключи от машины и протянул Кириллу:

— Держи, — сказал я спокойно. — Сядьте в джип.

— А что там, Владимир Петрович? — спросил Кирилл, кивнув в сторону мужиков за моей спиной.

— Знаете, пацаны, как Летов пел? «Всё идёт по плану», — продолжил я тоном, не допускавшим возражений. — Скажите, у кого-нибудь из вас права есть?

— Есть, Владимир Петрович, — ответил один из пацанов. — Я с шестнадцати за руль сел, своей тачки нет, но водить умею. И такую иномарку на автомате потяну.

— Ясно, — кивнул я. — Тогда так: если начнёт происходить то, что вам не нравится — заводишь и уезжаешь. Меня ждать не нужно. Понял?

— Владимир Петрович, — подал голос Кирилл, нахмурившись, — а что может произойти такого, что нам не понравится и мы не должны вмешиваться?

Я коротко пожал плечами. Знал, что вопрос правильный. Но отвечать надо было так, чтобы и тревогу снять, и суть донести.

— Ну, например, — сказал я спокойно, — если мой зуб стукнется о стекло, когда меня начнут бить, — я чуть усмехнулся и развёл руками. — Ну это, конечно, если попадут...

Я подмигнул. Пацаны переглянулись и нервно захихика-

ли. Смех был как клапан, который спускает лишнее давление.

— Короче, парни, — продолжил я уже серьёзное, — шутки шутками, но смысл вот в чём: если начинается движуха, не геройствуйте. Вы сейчас мой тыл. Сидите, ждите, наблюдайте. Всё остальное — моя забота.

Я обвёл их взглядом. Каждый стоял собранный, готовый на всё.

— И ещё запомните, — добавил я. — Голова всегда должна быть холодной. Не важно, что происходит — разговор, драка, пожар, всё равно. Только хладнокровный человек управляет ситуацией. Дайте мне слово, что вы не будете лезть ни при каких раскладах.

Парни переваривали услышанное, смотрели друг на друга, в их глазах мелькала растерянность.

— Владимир Петрович, — наконец протянул Кирилл, почесав затылок, — такое пообещать проблематично...

— А ты пообещай, Кирилл. Я тебя лично прошу.

Кирилл опустил взгляд, помолчал, потом тихо шепнул:

— Я... по крайней мере сделаю всё возможное. Но вы меня извините, если вас будут бить, я в стороне стоять точно не буду.

Остальные пацаны молча кивнули, подтверждая — позиция Кирилла была их позицией тоже. У меня внутри что-то щёлкнуло. Чёрт возьми, приятно было это слышать. Приятно, но и немного горько. Потому что за такими словами все-

гда стоит готовность идти до конца.

— Ладно, пацаны, я вас услышал. И, если по-честному, я вам благодарен за такую поддержку.

Я хлопнул Кирилла по плечу.

— Своих не бросаем, Владимир Петрович, — сказал он тем же тоном, каким раньше я сам им это вдалбливал.

Я усмехнулся. Вот это уже результат. Когда твои слова возвращаются к тебе из чужих уст, значит, не зря вкладывался.

Я развернулся и пошёл к Мише. Тот уже стоял чуть в стороне от остальных мужиков.

— Тебя как зовут? — хрипло спросил он.

— Володя, — представился я. — Можешь так и называть.

Миша коротко кивнул, но руку протягивать не спешил. Правильно. Между нами ещё висел незакрытый вопрос.

— Ну, как меня зовут, ты, я так понял, знаешь. Слушай, Володя... я человека, чьим сыном ты назвался, знал очень хорошо.

Он сделал паузу. Молчал секунду, две, потом добавил уже тише:

— Даже слишком хорошо.

Я промолчал. Пусть говорит.

Миша чуть кивнул самому себе, будто подтвердил внутреннюю догадку.

— Вот только, по той информации, что есть у меня, тот Володя погиб, не оставив после себя детей, — обозначил он.

— Так что объясни, парень. Как так получается?

Способный ученик, ничего не скажешь. Моя школа. Не поверил сразу на слово — и правильно сделал. Именно этому я его когда-то учил: доверяй, но проверяй. Сейчас он поступал так, как я сам бы поступил на его месте. Иронично, но приятно.

— Веру помнишь? Анисимову, — спросил я, не отводя взгляда.

Миша вздрогнул. Он не мог не помнить.

Вера... моя первая любовь в прошлой жизни. Мы с ней тогда вечно то сходились, то расходились, будто испытывали друг друга на прочность. Я, честно говоря, уже тогда думал, что она станет моей женой. Она была яркая, упрямая, с характером, и рядом с ней всё время хотелось быть лучше, сильнее, честнее.

Но судьба распорядилась иначе.

Тогда, в той жизни, я сам лично отправил Веру прочь из нашего города. Я уже тогда понимал, что ничего хорошего я ей дать не смогу. Тропинка, по которой я шёл, вела в тупик. Вера заслуживала большего. Хоть тогда я это и не говорил вслух, но поступил по-своему правильно. И сейчас, рассказывая это Мише, я видел, что история звучала более чем логично.

Миша нахмурился, но потом уголки его губ едва заметно дрогнули.

— Конечно, помню, — сказал он с лёгкой улыбкой. — За

неё Володя любого бы убил к чёртовой бабушке. Вот только Вера уехала... и они так и не сошлись...

— Сойтись, может, и не сошлись, — согласился я. — Но Вера тогда забеременела от моего отца. И так на свет появился я.

Миша вытаращил глаза, опешив.

— Ни хрена себе... — выдохнул он. — А я и знать не знал, что у Володьки сын остался!

На секунду в нём мелькнул тот самый Миша — семнадцатилетний пацан, каким он был тогда.

Я понимал, что вру. Вру некогда своему лучшему ученику. И от этого внутри было мерзко, но других вариантов у меня не оставалось. Это была ложь во благо — единственный способ сохранить баланс и не разрушить всё, что только начало складываться.

Миша тем временем молча изучал меня. Потом вдруг выдохнул, развёл руки в стороны и расхохотался:

— Ни хрена себе... вот это жизнь, конечно, повороты выдаёт! — Он всё ещё смеялся, качая головой. — А я ведь, когда увидел тебя, сразу подумал: что-то есть... знакомое. Не пойму что, а теперь вот понял. У тебя глаза как у Володьки. Смотрят точно так же!

Миша вдруг шагнул вперёд и крепко, по-настоящему по-мужски, обнял меня. Так, будто восполнял тридцать лет, которых между нами не было.

Я тоже обнял его в ответ, похлопав ладонью по спине.

Эмоции зашкаливали. Я давно себя таким не чувствовал. В груди словно комок раскалённого воздуха застрял, а в голове вертелась только одна мысль — всё-таки судьба умеет закольцовывать линии. Наша встреча вышла неожиданной, но от этого вдвойне ценной.

Я сам то и дело думал, что надо бы найти своих. Узнать, кто из пацанов жив, где они, как сложилась жизнь. Но времени пока не было... И вот, как обычно, жизнь решила всё сама. Земля действительно круглая — никогда не знаешь, кого встретишь за ближайшим поворотом.

Через плечо Миши я заметил, как Копчёный наблюдает за нами, вылупив свои пороссячьи глаза. Естественно, ему всё это не нравилось. Он рассчитывал, что меня сейчас будут месить без разговоров, а тут, на его глазах, сцена превращается во встречу с обниманиями.

Копчёный переминался с ноги на ногу, раздражённо сопел. А Миша наконец отстранился.

— А чего ж мать твоя не сказала? — всплеснул руками он, глядя на меня так, будто всё ещё пытался переварить произошедшее. — Мы бы помогли чем могли. А то ведь она совсем одинокая была... или, может, всё-таки кого-то нашла?

Я чуть улыбнулся.

— Миш, давай об этом потом поговорим. Не сейчас.

— Ладно, потом так потом... Но, слушай, раз уж такое дело, ты, пожалуй, прав: надо по-нормальному встретиться. Сесть, выпить, как люди. За жизнь. Поддерживаю категори-

чески!

— Обязательно, — согласился я. — Только давай сначала разберёмся с тем, что сейчас происходит. А то уж больно ситуация вышла мутная.

— Прав ты, Володька, — сразу посерьёзnel Миша. — В ситуации надо разобраться. Нехорошо вышло, согласен.

Я объяснил Мише, зачем мы с пацанами сюда приехали. Рассказал, что пацаны — мои ученики, и мы собирались просто снять оборудование с машины. Сам конфликт с этим Копчёным возник из-за очереди и словесной перепалки.

Пересказал всё так, как было со слов ребят.

Миша слушал внимательно, не перебивал. Пару раз кивнул, переводя взгляд то на меня, то на пацанов, что сидели в машине. Потом его взгляд остановился на моём джипе.

— Блин... я вот смотрю на твою тачку и вспоминаю — у твоего отца такая же была. Один в один. И марка, и цвет. Всё точь-в-точь.

Он на секунду задумался, в глазах мелькнуло что-то похожее на ностальгию.

— Эх, время было... Ну а по ситуации — что тебе сказать. Звонит мне Копчёный, кричит, что его, мол, на эстакаде прижали несколько человек, что, цитирую, «собираются ему кое-что сделать». Повторять не буду — ты и сам слышал.

— Да, можешь не повторять, — отрезал я, глядя прямо. — А твой Копчёный вообще кто такой?

Миша фыркнул, усмехнувшись, но без веселья:

— Да так... местный деятель. Из тех, что всегда рядом, когда что-то мутное крутится. Толковым его не назовёшь, но польза иногда бывает. Правда, чаще наоборот.

— Судя по тому, что мне мать рассказывала, а ей, в свою очередь, говорил мой отец, ты таких вот, как этот Копчёный, к себе и за версту раньше не подпускал.

Да, я понимал, что рискую, говоря эти слова. Если этот мутный тип и правда считался родственничком Миши, он воспримет мои слова в штыки.

Но я знал его слишком хорошо. Знал, что таких, как Копчёный, Миша никогда близко к себе не подпускал. Миша не терпел ни гнилых, ни липких.

Миша помолчал, перевёл взгляд на Копчёного, стоявшего в стороне, потом снова на меня.

— Ну говорю же, это двоюродный брат моей жены, блин... хочешь — не хочешь, как понимаешь, — надо!

Он сказал это так, будто и самому от этого факта неловко.

— Понимаешь, как вышло: жену уважаю, с её роднёй стараюсь держать мир, но этот... — он кивнул в сторону Копчёного, — постоянно лезет, куда не просят. Вот и сейчас... — Миша тихо выругался. — Чудит! И ты прав, Володя. Вроде бы я должен тебе возразить, потому что он, так сказать, мой дальний родственник... но, если честно, возразить мне попросту нечего. Непутёвый он, это факт, — заключил Миша, тяжело вздыхая.

— А зачем тянешь?

— Сестра за него переживает, потому что он нет-нет да вляпается куда-нибудь. Вот недавно откинулся — уже в третий раз за последние десять лет. Представляешь? Третий.

Я кивнул. Ну вот, всё встало на свои места. Копчёный, оказывается, рецидивист. Миша-то тут при чём? Просто судьба уцепилась за него через жену — вот он и вынужден тянуть чужой крест.

— Жене же не объяснишь, — продолжал Миша, разводя руками, — что свою голову человеку на плечи не поставишь. Сколько ни вбивай, а тут всё мимо. А жене брата жалко, она ему верит. Думает, что он исправится, остепенится, да только куда там.

Он усмехнулся без радости, покачал головой:

— Так что если я за него не впрягусь, жена потом со мной неделю минимум разговаривать не будет. Молчит, дверьми хлопает, ходит ледяная...

Миша выдохнул, глянул в сторону Копчёного.

— Вот и приходится таскать его по жизни, как чемодан без ручки. Бросить жалко, а нести невозможно.

Аргумент, конечно, железный — жена не будет разговаривать. Я невольно усмехнулся про себя. Ну да, знакомо. Женщина в обиде — это отдельный фронт боевых действий, куда лучше не лезть без нужды. Но всё же я подумал, что две недели тишины — не самая страшная цена за возможность держаться подальше от таких, как Копчёный.

Вслух, конечно, ничего не сказал.

Зачем?

Это тот случай, когда лучше промолчать.

Миша, не заметив моей внутренней иронии, продолжил:

— Вот и сейчас он мне звонит туда-сюда, — сказал он. — «Миш, приезжай, тут, — говорит, — нужно охреневших гусей валить».

Я поднял бровь.

— Охреневшие гуси, говоришь... — хмыкнул я. — Это, значит, мои пацаны — малолетки, которым по восемнадцать?

— Ну, я-то не видел, с кем он там зарубился, Володь, — пояснил он. — Я как подскочил сюда, только тогда и увидел всё своими глазами.

Он замолчал, пожевал губу, вздохнул.

— Слушай, Миша, — сказал я, взвесив слова, — пацаны у меня действительно горячие. Могут ляпнуть лишнего по незнанке, прежде чем обдумать, что говорят. Мы все такие были.

Миша кивнул, понимая без лишних слов:

— Было такое, — подтвердил он. — Не представляешь, сколько твой отец с нами тогда намучился..., а мог бы ведь плюнуть и уйти.

— Мог, — согласился я, — но не плюнул. А этот твой Копчёный вместо того, чтобы сделать пацанам замечание и направить их в нужное русло, сразу хочет «мочить». Это неправильный ход. Я не говорю сейчас, кто прав или виноват

— я говорю о принципе.

Глава 5

— Тем более, — продолжил я, — я ведь к нему подошёл по-человечески, спокойно, хотел поговорить и разобраться. А он уже не слушал — всё, климануло.

Миша усмехнулся с усталым пониманием:

— Не, не собирался он с тобой разговаривать. У Копчёного, когда башку срывает, там фляга так свистит, что хоть кол на голове теши — бесполезно.

Он перевёл взгляд на мой джип, где через стекло были видны силуэты пацанов. — Погоди, — спросил Миша. — А это твои ученики, да? Ты сам, выходит, учитель?

— Ну да, — подтвердил я.

Миша хмыкнул, явно впечатлившись этим фактом.

— Вот это я понимаю: ты не только словом, но и делом молодёжь направляешь. Уважаю, Володя.

— Ну, тут, что называется, — по мере своих скромных возможностей, — сухо ответил я.

Миша кивнул, соглашаясь, а я тем временем продолжил уже твёрже, обозначая границы:

— Так вот, Миш, я тебе предлагаю разойтись. Закроем вопрос, ты заберёшь своего родственничка и скажешь ему, чтобы на будущее не путал горячность с храбростью. Мне сейчас неинтересно, кто прав, кто виноват — это не решит проблему.

Миша снова молча кивнул, видно было, что мысль понятна.

— Давай так. Я проведу с пацанами профилактическую беседу: объясню, что за базаром нужно следить. Они у меня горячие, но в них можно вложить голову. А ты — успокой своего «копчёного», как ты его там назвал, и пусть вернёт инструмент.

Миша ненадолго задумался, вроде как обдумывая моё предложение.

— Да, — ответил он. — Ковыряться в этом нет желания. Бессмысленно.

— Если у твоего товарища всё же остались вопросы ко мне, — продолжил я, — пусть подойдёт один на один. Я объясню, и если дойдёт до дела — дойдёт. Только помни: меня отец учил, что если у козла нет головы на плечах и он лезет первым — его мочат без разговоров. Так что не обессудь, если я твоего дальнего родственничка тут конкретно покалечу.

Я не пытался навязывать Мише своё мнение. Это было не убеждение с моей стороны, а скорее предупреждение, как может пойти дальше. Решение было за ним. Хочет ли он потом неделю, две, месяц жить в бойкоте от жены — это уже его выбор.

— Ты прав, — признал Миша. — Я свою голову ему вместо его головы не поставлю. Но твой посыл донесу. По крайней мере попробую.

Он посмотрел в сторону Копчёного, затем на своих паца-

нов и снова на меня.

— Сейчас, погоди, Володь, я с ним коротко переговорю и вернусь, — сказал Миша и пошёл к Копчёному.

— Не вопрос, жду, — кивнул я.

Миша ушёл разговаривать. Я видел, как Копчёный жадно впитывает его слова. Я снова показал пацанам большой палец, заверяя, что всё под контролем. Теперь осталось дождаться, насколько «положительным» окажется результат после разговора Миши с его родственником.

Копчёный слушал его, размахивая руками, тыча пальцем то в меня, то в джип. По жестам и по лицу было видно, что примириться он не намерен.

Диалог длился на пару минут дольше, чем я ожидал. В конце концов Копчёный сделал вид, что что-то принял к сведению, но по глазам было видно — его уступка будет формальной.

Миша повернулся ко мне, медленно подошёл.

— Володя, расклад такой...

Он коротко обрисовал, что Копчёный признал, что переборщил, и готов вернуть инструмент.

— Но на своих условиях, — отметил Миша.

Условие было простое и тупое: публичное извинение от пацанов и обещание, что дальше они «не будут задиаться». Взамен он вернёт ящик и инструмент прямо сейчас, чтобы потом никто не мог сказать, что его «обокрали».

Я быстро понял, что Копчёный ждёт «публичного униже-

ния». Для него это способ сохранить лицо. Гнида всё-таки — знает же, что не прав...

— Или что? — уточнил я, когда Миша закончил озвучивать условия своего дальнего родственника.

— Мне неудобно это говорить, — ответил Миша, — но я Копчёного знаю давно. Говорит, что иначе он запомнит номер твоей тачки и через своих знакомых вычислит, где ты живёшь.

Арматура развёл руками, как будто виновато. Я думаю, что Миша уже прекрасно понимал, что на такие условия я подвязываться не буду. Извиняться надо только тогда, когда действительно неправ.

Конечно, до угроз Копчёного мне было фиолетово. Номера на джипе были не мои. Машина ещё не на меня зарегистрирована, и это номера предыдущего владельца. Если он начнёт ковыряться, то ничего не найдёт.

Для меня принципиален был другой момент: если у кого есть ко мне вопросы — я отвечаю лично и сразу.

— Ясно, Миш, спасибо за посредничество, но если извинения и будут, то только с его стороны, — отрезал я.

Миша смотрел на меня долго. Взгляд у него был взвешенный, в нём читалось сомнение и желание избежать лишней крови. Он попытался снова предложить путь попроще.

— Володя, — начал он медленно, взвешивая каждое слово, — у тебя характер как у твоего отца: железный. Может, ну его на хрен? Я могу прямо сейчас запихать этого братца

в машину и увезти от греха подальше. Тебе и мне будет спокойней.

— Нет, Миша, — я ответил безапелляционно. — Если мы начнём проблемы прятать, а не решать, то они не исчезнут, а умножатся. Спасибо, конечно, за заботу, но ты же сам только что говорил, что если сейчас не разберёмся, он потом вычислит, где я живу, и приедет уже туда. Так что лучше решим вопрос здесь и сейчас.

Миша, похоже, понял, что меня не переубедить. Но всё-таки снова попытался.

— Володя, я тебе всё равно скажу: он дурной. И он из тех, кто не умеет останавливаться. Понимаешь? Может и нож достать — ему это, знаешь, как... по привычке.

— Спасибо за предупреждение, учту.

Миша на мгновение задержал на мне взгляд. В глазах мелькнуло что-то, похожее на уважение.

Больше он говорить ничего не стал. Повернулся и пошёл к Копчёному. Тот стоял чуть в стороне и, облокотившись о капот, нервно щёлкал зажигалкой. Заметив, что Миша идёт к нему, выпрямился, засуетился.

Миша, подойдя, сказал ему пару коротких слов. Я не слышал, какие, но по реакции Копчёного понял — сообщил, что я не буду извиняться.

Копчёный ухмыльнулся, щёлкнул зажигалкой ещё раз и двинулся в мою сторону.

Я на секунду перевёл взгляд на свой джип, где в окне тор-

чала голова Кирилла. Пацан сидел, сжав кулаки, глаза у него горели тревогой. Я медленно покачал головой — мол, не дёргаться.

Копчёный шёл медленно, демонстративно сунув руки в карманы. Я видел по тому, как он держится, что Копчёный не новичок в подобного рода урегулированиях. Если у него в кармане нож — это будет непросто, учитывая мою комплекцию. Но и у меня были аргументы поостроже, чем слова.

Посмотрим.

Копчёный подошёл вплотную, не останавливаясь. Он не смотрел мне в глаза — и я тоже понимал почему: хочется сохранить эффект неожиданности, когда ударит. А в том, что он будет бить, я не сомневался.

Честно?

Я воспринимал всё это как учёбу в полевых условиях. Отличный шанс показать пацанам, как вести себя в реальной опасности. Учебник не научит держать голову холодной, когда кто-то пытается достать нож из кармана. Так что пусть молодёжь смотрит и запоминает.

Наконец, Копчёный остановился.

— Слышь, ты, чучело, а ну-ка повтори, что ты там хотел мне сделать! — процедил он.

Однако я не слушал: словами этот урод хотел отвлечь моё внимание. Уже говоря, Копчёный хлопнул носком ботинка по земле и поднял фонтан песка, рассчитывая меня ослепить. Его рука рванула из кармана, доставая что-то увеси-

стое.

В руке Копчёного вместо ножа оказалась хреновина с искрящими контактами — электрошокер. Я сначала не сразу понял, но потом увидел, как на его конце прорезался синим скрежетом искр электрический разряд. Копчёный хотел эффективно и эффектно отключить меня.

Но и я не кукурузу стерёг.

Я этого ждал.

Я сместился вправо — движение началось ещё до того, как Копчёный успел завершить взмах. Электрошок просветил по воздуху там, где было моё туловище мгновение назад. А я в тот же момент выкинул боковой удар.

БАМ!

Удар вышел не идеальный, немного смазанный, но при таком весе — достаточный, чтобы Копчёный кувырком полетел на землю.

Он упал, искра шокера погасла, прибор выпал из его пальцев и отскочил по гравии.

Копчёный после пропущенного удара распластался на асфальте, руки раскинуты, глаза — стеклянные. Удар не был смертельным, но поставил жирную точку в его прыти. На секунду он просто вывалился из этой реальности.

А потом попытался дотянуться до шокера.

Зря.

Я не дал ему времени на ложные надежды. Наступил на его руку, которой он потянулся к шокеру.

— А-а-а! — истерично заорал Копчёный, пытаясь выдернуть свою кисть из-под моего ботинка.

Больно, гад? Больно, да — все мои полтора центнера опустились на его руку. Башкой нужно было думать, а не задницей.

Он-то рассчитывал, что перед ним толстяк, неуклюжий, а потому безопасный. Вот и вся его уверенность держалась на иллюзии — дешёвой, как поддельные кроссовки. Но жизнь всегда корректирует заблуждения быстро и больно.

Никто не лез. Миша с мужиками безучастно наблюдали за происходящим со стороны. Смотрели и мои пацаны, впитывая всё как губки.

Я, сильнее наступив на его руку всем своим весом, шагнул к валявшемуся на земле шокеру. Поднял, повертел в руке. Нажал кнопку, глядя на искры на электродах.

— Ох ты ж...

Если батарейка «Крона» в детстве давала бодрый щекочущий разряд, то вот эта штукавина, что лежала у меня в руке, с детскими забавами ничего общего не имела. Электрошокер Копчёного был не игрушкой — плотный, увесистый, с напряжением, которого хватило бы, чтобы выключить человека из реальности.

Я посмотрел вниз на Копчёного. Он уже начал приходить в себя, моргнул, попытался подняться. Он теперь уже не падал, а ждал, что будет дальше. Взгляд Копчёного метался с электрошокера на моё лицо и обратно на электрошокер.

Понимал, гад, что теперь я решаю, будет ли ему больно или только страшно.

Я молча наклонился, нажал кнопку, активируя разряд. Синие искры с треском побежали по электродам, освещая грязный асфальт между нами. Копчёный дёрнулся всем телом, сократился.

— Страшно, да? — спросил я. — Это ты меня хотел ударить этой штукой?

Копчёный тяжело дышал, выпучил глаза, ответить ему было нечего.

Мне и не нужен был ответ.

— Хреновая затея, — хмыкнул я, глядя на него.

Копчёный, всё ещё еле дыша, теперь начал лепетать какую-то чушь про здоровье, рассчитывая на то, что я сжаюсь над «инвалидом». — Ты что, ты убьёшь меня, у меня сердце не выдержит, — задыхался он. — У меня гипертония, я умру, ты же меня убьёшь!

Я не стал вдаваться в жалостливые детали. Компромиссы с теми, кто пришёл с оружием, не работают. Кто с мечом придёт — от меча и погибнет, как говорится. Фраза старая, но верная. Я не помнил автора — да он и не важен, суть-то ясна.

Потому я перехватил электрошок удобнее, высёк искру и плотоядно улыбнулся. Глаза гада закатились, я видел, как в его взгляде метнулась паника. А вместе с ней — смутное осознание, что именно он и поставил себя в эту позицию.

Между электродами всё ещё шла дуга, и я с силой воткнул шокер в землю рядом с головой Копчёного — буквально в пару сантиметров.

— Ну что, голубчик, — сказал я, всё так же сидя на корточках рядом с ним и глядя в глаза. — Спросил с меня? Надеюсь, я тебе доступно объяснил, что ты не прав? Или, может, ещё вопросы остались — ко мне или к моим пацанам?

Копчёный сначала закивал, потом, как будто опомнившись, резко замотал головой. — Бес попутал, брат... — затараторил он, торопясь вывалить слова, пока я не передумал. — Прости, что так вышло, я не прав был. Честно, вообще не понимаю, что на меня нашло...

Я усмехнулся. Типичный случай. Стоило ветру подуть в другую сторону — и вот уже «страшный боец» превращается в покаянного прихожанина. Гордость исчезает быстрее дыма от выстрела, когда запахло ответственностью.

— Конечно, не узнаёшь, — ответил я сухо. — Потому что только в драке человек видит себя настоящего. Всё остальное — это просто понты и иллюзии.

Копчёный отвёл взгляд, боясь поднять глаза. Я видел, что внутри у него борются страх и стыд, но перевес пока за первым.

— Ладно, — сказал я наконец. — Живи. Не хочу об тебя руки марать. Только, если хочешь совет: думай, перед тем как открываешь хавальник и достаёшь оружие. Второго раза у тебя может не быть.

Я выпрямился, нажал на шокер, глуша оставшийся заряд, и убрал его в карман.

Эх, жаль, что сейчас времена другие. Отнять бы у него машину за косяк и прокатить в багажнике в лесок... так гораздо быстрее до этого гада мысль бы дошла.

Копчёный медленно поднялся, пошатываясь, лицо у него было перекошенное и жалкое.

В это же мгновение из джипа вылезли пацаны — не держали.

Миша и его люди стояли в сторонке и смотрели за происходящим будто бы с облегчением. Было видно, что они устали от Копчёного. Никто не вмешивался и даже не пытался ему помочь.

Я посмотрел на Копчёного и спросил:

— Инструмент где?

Он подошёл к своей «Ниве», достал ящик трясущимися руками. Опустил ящик на землю — и тот звякнул железом.

— Всё? Вопросов у тебя ко мне больше нет никаких? — спросил он, не поднимая глаз.

— У меня к тебе вопросов вообще не было, — ответил я. — Это ты сам вызвался их задавать. А теперь вот и получил ответы.

Миша и остальные мужики наконец подошли ближе. Миша окинул нас с Копчёным внимательным взглядом.

— Так, мужики, — сказал он твёрдо, — какие-нибудь предъявы друг к другу остались? Или вопрос закрыт?

Он смотрел сначала на меня — я молча кивнул, показывая, что с моей стороны всё закончено. Потом перевёл взгляд на Копчёного. Тот долго стоял, будто колебался, но в итоге медленно покачал головой.

— Нет, Миш, никаких, — выдавил он.

Миша кивнул, удовлетворённо хмыкнул.

— Ну вот и ладно. Тогда разъезжаемся. Всем спасибо, цирк окончен, — сказал он уже громче, глядя на своих мужиков.

— Кирилл, подойди сюда, — позвал я пацана.

Тот, едва услышав моё обращение, почти бегом подскочил ко мне. Я кивком указал на ящик, лежащий на земле — серый, пыльный, с вмятинами по бокам.

— Проверь, всё ли там на месте, — попросил я.

Кирилл кивнул — без вопросов.

А вот Копчёного от моих слов моментально перекосило. Он вздрогнул, глаза налились злостью и, с трудом находя слова, гад процедил:

— Слышь, ты на что намекаешь? Думаешь, я у тебя инструмент подрезал, да?

Я даже не повернулся к нему — стоял, глядя, как Кирилл присел возле ящика.

— Проверь всё, — повторил я.

Этот демонстративный игнор сработал лучше любого ответа. Копчёный задохнулся от бессилия, но промолчал. Видно было, как в нём всё кипит, но сказать больше нечего —

авторитет и ситуация были уже не на его стороне.

Кирилл открыл крышку, щёлкнул замком и присел на корточки. Взгляд пробежал по ящику: отвёртки, ключи, гаечные головки, уровень, старый молоток с облупленной ручкой.

Наконец пацан провёл пальцем по пустой выемке и медленно покачал головой.

— Тут должен лежать динамометрический ключ. Его нет, Владимир Петрович.

— Какой, мать его, ключ?! — вскинулся Копчёный. — Не было тут ничего! Не выдумывай!

Я перевёл взгляд на Кирилла.

— Был, — пояснил пацан. — С трещоткой, шкала до 200 Н·м, на рукояти синяя изолента. Вот выемка под него — видите? — Кирилл постучал по формованному ложу в пенопласте. — Пусто.

Я наклонился и посмотрел туда, куда указывал Кирилл. И действительно, в ящике была пустая выемка под инструмент.

— Вот, видите? — повторил Кирилл, показывая пальцем. — Здесь ключ был. У него ещё на торце скол от падения. Я его сразу узнаю, если увижу.

Я выпрямился и медленно перевёл взгляд на Копчёного. Тот стоял, закусив губу, глядя куда-то в сторону. Мелкие капли пота блестели на его лбу.

— Слышь, мужик, я тебе что, не по-русски сказал, что никакого ключа я не брал? — прорычал Копчёный, голос дрожал от злости и бессилия. — Вы тут конкретно какую-то пур-

гу гоните! Вернее, не вы, а этот твой шкет! А ты ему ещё и веришь!

Глава 6

Я посмотрел внимательно на этого, как я уже мысленно успел его окрестить, кончѐнного, потому что иначе и не скажешь. Погоняло «Копчѐнный» ему уже не подходило. Оно звучало мягко, почти бытово, а этот... явно другой сорт. Кончѐнный, окончательно и бесповоротно.

Копчѐнный стоял передо мной, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба, и продолжал бормотать под нос:

— Да врѐт он всё, врѐт же!

Я повернулся к Кириллу. Пацан стоял прямо, но я видел, как он напряжѐн. Для него это было испытание, и нешуточное: подростку противостоит взрослый мужик, да ещё и на повышенных тонах.

Я перевёл взгляд на Мишу. Тот молча наблюдал за происходящим, но его глаза говорили сами за себя — вмешиваться он не собирался.

— Если Кирилл говорит, что ключ был, — процедил я, — значит, он был.

Кирилл выдохнул, почти незаметно. Пацан понял, что я не дал его в обиду.

Я подошёл к Копчѐному и остановился на расстоянии вытянутой руки.

— А вот теперь слушай внимательно. Ты можешь мне не верить, можешь считать, что мир к тебе несправедлив. Но

если я сказал, что доверяю своим пацанам, значит, я отвечаю за каждое их слово. И если ты пытаешься выставить их врунами, то тыставляешь вруном меня.

— Снимай давай машину, — отрезал я. — Сейчас посмотрим, кто врёт, а кто говорит правду.

Копчёный дёрнул подбородком, потом перевёл взгляд на Мишу, будто ища поддержки, спасения, прикрытия — чего угодно.

— Миш, да это какой-то галимый гон! — заговорил он быстро, сбиваясь на крик. — Ты что, реально малолеткам веришь?! Они тебе тут лапши навешают, а я крайним останусь!

Миша лишь медленно покачал головой.

— Миша, да не гони, брат! — Копчёный уже почти захлёбывался в истерике. — У меня, на хрен, нет никакого ключа! Почему ты мне не веришь, а? Мы же с тобой... — он запнулся, не найдя слова, — сто лет знакомы!

Миша лишь положил руку ему на плечо.

— Вадим, если тебе скрывать нечего, то они ничего и не найдут. Так что просто покажи машину.

Копчёный застыл, потом резко выдохнул, сплюнул себе под ноги и пробормотал:

— Да ради бога, смотрите, хрен с вами. Делайте что хотите.

Но по его лицу я видел, что сейчас Копчёный уже не защищает свою правду, а просто боится, что его поймают на лжи. Что ж, он сам загнал себя в угол и теперь понял, что

выходить оттуда некуда.

Миша кивнул своим ребятам:

— Откройте «Ниву». Проверим.

Машину сняли. Один из мужиков дёрнул ручку двери, но та оказалась закрыта.

— Ключи... Я... сейчас... — Копчёный стал шарить по карманам, изображая активный поиск.

— Вадим, ключи дай, — поторопил Миша.

Ключи нашлись моментально. Багажник щёлкнул.

Кирилл начал тщательно осматривать «Ниву». Посмотрел багажник, салон..., но ключа не находил.

Я внимательно следил за ним, и чем дольше длился осмотр, тем отчётливее понимал, что ключ там был. Просто его кто-то спрятал лучше, чем мы думали.

Копчёный, напротив, с каждой минутой «расцветал». На лице у него появилась наглая ухмылка. Он даже осанку выравнивал, поправил куртку, демонстративно вытащил сигарету, чиркнул зажигалкой.

— Ну вот, — растянул он слова, глядя на меня. — Я же говорил, никакого ключа я не брал. А за такой гнилой базар, — он ткнул сигаретой в сторону Кирилла, — по-хорошему нужно отвечать. Такой грязный рот — с мылом вымыть.

Последние слова он произнёс с таким мерзким самодовольством, что даже Миша нахмурился.

Кирилл не ответил. Пацан ещё раз обошёл автомобиль. Заглянул под сиденье, проверил полук, поднял крышку за-

паски.

Ничего.

Он выпрямился, встретился со мной взглядом и коротко качнул головой — не нашёл.

Я видел, как внутри него борются две эмоции — обида и разочарование. Обида за то, что этот мерзавец стоит и глумится, а доказать ничего нельзя. И разочарование, что теперь его слова могут показаться ложью.

Копчёный же, заметив это, ещё больше расплылся в улыбке.

— Ну что, малолетка, на кого теперь гнать будешь? — процедил он. — Или, может, извиниться хочешь?

— Владимир Петрович... — шепнул Кирилл, подходя ко мне ближе. — Я ничего не выдумываю. Ключ по-настоящему был. Он его лично в руках держал..., но я не могу его нигде найти...

Пацан стоял с виноватым видом, будто это он что-то сделал не так, хотя я видел, что Кирилл не лгал. Я положил руку ему на плечо, сжал крепче.

— Верю, Кирилл. Верю, что правда на твоей стороне.

Копчёный, чуя, что удача повернулась к нему лицом, начал важно расхаживать перед машиной. Но я видел — ноги у него будто ватные. Он то и дело переступал с пятки на носок, будто внутренне готовился сорваться в бег в любой момент.

Да, это на показ он был расслаблен, но мелкие жесты его выдавали. Копчёный нервничал — и явно не просто от зло-

сти на напраслину.

Миша всё это время молчал, наблюдая. Потом подошёл ко мне и, вздохнув, сказал примиряющим тоном:

— Володя... ну, как видишь, нет здесь никакого ключа. Ты со своими пацанами переговори, как мы и договаривались. Чтобы они палку не перегибали.

Я молча кивнул, но взгляд от Копчёного не отвёл.

Кирилл, стоявший чуть в стороне, сжимал кулаки, похоже, удерживая себя из последних сил. Но, услышав, как Миша предлагает «переговорить с пацанами», он не выдержал.

— Да там был ключ! — выпалил он. — Я ему лично давал! У него не было своего, и я дал ему и ключ, и насадку на него!

Я бросил короткий взгляд на Мишу. Он приподнял брови, мол: вот оно, пошло по новой.

Но, в отличие от Копчёного, у меня не было ни единого основания сомневаться в Кирилле. Этот пацан всегда отвечал за слова, и если сказал, что давал ключ — значит, так и было.

Копчёный же резко обернулся, и вся его наглая бравада вернулась с двойной силой.

— Слышишь, малолетка, — процедил он сквозь зубы, делая шаг к Кириллу, — ты вообще на кого варезку-то раскрываешь? За базар свой отвечаешь, а?

Гад явно хотел запугать Кирилла, заставить его отступить, сбить уверенность. Но пацан, к моему удовлетворению, даже не моргнул.

— Отвечаю, — уверенно сказал Кирилл, глядя в глаза этому быдлу. — Я лично тебе давал ключ. И ты его мне не вернул.

Копчёный начал раздувать ноздри, будто вот-вот сорвётся. Я тут же перехватил взглядом его движение.

— Ещё шаг к моему ученику — и ты узнаешь, как больно прилетает без предупреждения.

Копчёный застыл и принялся трясти пальцем в воздухе.

— Ты смотри, так и проотвечаться можно, — зло прошипел Копчёный.

Я видел, что он ищет повод ударить, но пока не решается. Он сплюнул под ноги демонстративно, с вызовом — мол, вот тебе моё отношение. Слюна упала на пыльный гравий, расплескалась тёмным пятном.

Я же повернулся и направился к его «Ниве».

Кирилл, хоть и провёл тщательный осмотр, но... в таких случаях, когда имеешь дело с такими мутными людьми, можно легко пропустить очевидное. Поэтому я решил проверить сам.

Я открыл водительскую дверь, присел, скользнул взглядом по коврикам, по щели между сиденьями. Нет, ничего. Но я не спешил.

Я открыл бардачок — внутри лежала куча мусора: чеки, салфетки, упаковки от сигарет. Копчёный нервно переступил с ноги на ногу.

— Ты чё роешься там, я тебе разрешал?

Я даже не посмотрел в его сторону:

— Ты же сказал, что скрывать нечего. Вот и посмотрим, так ли это.

Я залез рукой под заднее сиденье, провёл пальцами под ним — и ключ лежал в тайнике ровно так, как и предполагал. Он был спрятан в утопленной нише под настилом. Потёртая чёрная ручка, скол на торце — всё сходилось с описанием Кирилла.

Копчёный как раз накидывал Мише про свою невиновность.

— Прикинь, Миш, — ворчал он, — щенок какой-то решил меня в таком свете оболгать.

Я вытащил динамометрический ключ из тайника и, не говоря ни слова, положил его на капот машины Копчёного. Сделал это нарочно громко, чтобы присутствующие услышали металлический звон.

Все взгляды — Миши, мужиков, моих пацанов — в одно мгновение уставились на капот, где теперь лежал ключ.

Копчёный, который секунду назад всё ещё лил потоком речи про свою «честь» и «клевету», оборвался на полуслове. Рот у него так и остался приоткрыт. Несколько секунд гад тупо пялился на ключ, будто не веря, что тот существует в реальности.

Потом лицо Копчёного медленно начало меняться. Я видел, как у него внутри идёт борьба — мозги отчаянно ищут хоть какую-то отмазку, любую лазейку, чтобы выкрутиться.

Но не выходило ни черта. Все карты были вскрыты.

— Вот он, твой «несуществующий» ключ, — спокойно сказал я. — И лежит он там, где ты его спрятал.

Миша даже не шелохнулся. Только скрестил руки на груди и хмыкнул. Мужики переглянулись. В их взглядах читалось: «Ну вот, допрыгался, идиот».

Копчёный сделал шаг к машине, будто хотел схватить ключ и что-то доказать, но я опередил:

— Не советую. Сначала извинись за гнилой базар.

Гад застыл, его буквально корёжило изнутри, но выхода не осталось. Всё — спектакль был окончен.

— Давай, Копчёный, — продолжил я. — Скажи, что врал и при всех пацана в грязь втоптал.

Копчёный открыл рот, захлёбнулся несколькими бессвязными фразами.

Уверен, этот динамометрический ключ Копчённому был ни к чему. Нет, ему просто хотелось оставить за собой последнее слово. Заодно испортить мне настроение, показать, что хоть в чём-то, но может взять реванш. Из серии «сам не съем, так понаядкусываю».

Таких людей я встречал десятки — мелких, злобных, с извечной жаждой досадить, пусть даже себе во вред.

Теперь же мне было даже любопытно, как он будет выкарабкиваться из этой ситуации, какие слова найдёт.

— Слушай, блин, — начал Копчёный, почесав затылок и старательно изображая смущение. — Ну, неудобно получи-

лось, походу я его просто... ну, забыл отдать. Реально. Думал, что уже вернул, а оно, видимо, вот... — он махнул рукой в сторону капота.

Его оправдания звучали настолько жалко, что за него неловко становилось даже тем, кто стоял поодаль. Миша только вздохнул, качнул головой и, не произнеся ни слова, отвернулся — ему, похоже, тоже стало стыдно за своего «родственничка».

Я молчал, не перебивал. Пусть сам тонет в собственных словах. Копчёный до последнего надеялся выкрутиться и сохранить видимость достоинства. Хотя от достоинства там уже не осталось и следа.

— Перед пацаном извинись, — потребовал я. — И вопрос закроем.

У Копчёного левый глаз задёргался, но гад понял, что выхода нет. Спорить было бесполезно, а обострять — себе дороже.

Копчёный опустил подбородок к груди, помолчал секунду, две... потом, не поднимая взгляда, пробормотал:

— Извини.

Сказано было сухо, явно без души, но сказано.

Кирилл стоял чуть поодаль и перевёл взгляд с Копчёного на меня — явно ждал, что делать дальше. Пацану явно было тяжело принять извинения от человека, который ещё минуту назад готов был его втоптать в грязь.

Я коротко кивнул Кириллу, показывая, что вопрос за-

крыт.

— Бывает... — бросил он. — Извинение принято.

Копчёный вздрогнул. Ему явно не нравилось само это слово — «извинение». По лицу снова пробежала тень злобы, обиды и унижения, но он промолчал. Прекрасно понимал, что стоит только дёрнуться — и ситуация мгновенно вернётся против него.

— Заметь, — сухо сказал я, — Кирилл не называл тебя вором и не обвинял в воровстве. Это ты сам выкрутил его слова. Сам себе яму вырыл, сам и в неё полез.

— Вадим, так оно и есть, — поддержал меня Миша, наконец вмешавшись.

Копчёный резко развернулся на пятках, подошёл к «Ниве». Мгновение — и дверца его машины хлопнула, двигатель загудел.

Он вывернул руль, но, прежде чем тронуться, приоткрыл дверь, высунулся наружу и, сверкая глазами, процедил сквозь зубы:

— Я тебя понял, Миша. Всё прекрасно понял по ситуации. Не надо ко мне больше обращаться!

Я проводил взглядом задние фонари его машины, пока те не скрылись в темноте. Пыль, поднятая колёсами, медленно осела. Миша молчал, уставившись в одну точку.

Уж не знаю, действительно ли он обращался к Копчёному за какой-то помощью. Да и не важно теперь. Как я понял, теперь Мишу ждёт полный игнор со стороны жены из-за того,

что он не стал вмешиваться и помогать её непутёвому братцу, который снова вляпался по уши в неприятности.

Ну ничего, Миша парень взрослый — справится.

Мужики, что приехали вместе с Мишей, начали расходиться. На лицах у всех читалось одно желание — закончить этот затянувшийся холодный вечер и добраться, наконец, до тепла.

За время всех этих выяснений, которые растянулись почти на час, мужики успели добротню продрогнуть. Одеты-то были легко — куртки нараспашку, в кофтах, один вообще в одной рубашке.

Мне в этом плане было проще — спасала родная жировая прослойка.

— Слушай, — сказал Миша, чуть улыбнувшись, когда мы остались вдвоём. — Ситуация, конечно, неприятная вышла. Но, если бы она не случилась, мы бы, может, и не пересеклись. Так что... — он внушительно пожал плечами, — в который раз убеждаюсь: всё, что ни делает Бог, всё в конечном итоге идёт во благо.

— Взаимно. Согласен. Рад, что удалось познакомиться, — ответил я, протягивая руку. Миша пожал её крепко.

— Слушай, Володя, — сказал он, чуть поёжившись от холодного ветра, — у тебя мобильник с собой? Давай, наверное, запиши мой номер и сделай мне звонок, чтобы у меня твой высветился.

Он достал потёртый телефон с трещиной на корпусе. Я

достал свой, вбил его номер и нажал вызов. Через мгновение зажёгся экран на его мобильнике, и Миша удовлетворённо кивнул.

— Всё, есть контакт. Теперь точно не потеряемся. У меня сейчас ближайшие дни будет полная загрузка. Работы навалилось по уши, по-человечески отдохнуть не получится. Но ближе к концу недели, думаю, станет понятнее.

Он сохранил мои цифры в свой список контактов. .

— Освободится вечер — и давай тогда пересечёмся? Посидим, выпьем, поговорим по душам. Я думаю, тебе есть что мне рассказать. Да и я, в свою очередь, кое-что могу рассказать тебе. Истории про твоего отца... такие, которых твоя мать, может, и не знала.

— Мне будет интересно, — сказал я. — Жду твоего звонка. Когда определишься по времени — дай знать, я подстроюсь.

— Добро, — коротко ответил Миша.

Его ладонь легла мне на плечо.

— Слушай, а пацаны у тебя с головой, — сказал Миша, кивая в сторону Кирилла и остальных, что стояли чуть поодаль. — Видно, ты их не просто держишь рядом, а направляешь. Правильный подход.

Он посмотрел на меня внимательнее, будто оценивал, сопоставляя с... самим мной из прошлого.

— Ты, Володь, прям по стопам отца идёшь. Даёшь пацанам правильные взгляды на жизнь, чтобы не потерялись. Это

редкость сейчас.

Я развёл руками. Нет, конечно, приятно, когда тебя хвалят, но я прекрасно понимал — пока рано принимать такие речи всерьёз. Похвала должна быть заслуженной, а не авансом. Вот когда мы с пацанами олимпиаду выиграем, тогда, может, и приму комплименты. А пока грех расслабляться.

— Береги себя, Володя, — сказал Миша на прощание.

Он пожал руки каждому из моих пацанов, сел за руль — и две «Нивы», на которых приехали его мужики, вырулили с площадки. Звук моторов постепенно стих, растворяясь в холодном вечернем воздухе.

Мы с пацанами, наконец, остались одни. Пацаны переглянулись, потом почти одновременно разулыбались.

— Владимир Петрович, ну вы, конечно, красавчик, — первым заговорил Кирилл. — Так разругать, когда их толпа... это ж надо так держаться.

— Да, вы просто их переиграли, — подхватил Гена. — И этому уроду порвали жо...

Пацан наткнулся на мой взгляд и осёкся.

— Вот, пацаны, — сказал я, когда он замолчал, — будет вам уроком. Нужно всегда включать голову. Сильный — это не тот, кто может ударить сильнее, а тот, за кем правда. Вот это и есть настоящая сила. Вы фильм «Брат» видели?

— Видели, — ответил Кирилл. — Ну, нарезки в интернете, там цитаты разные, — добавил он, пожав плечами.

— Нарезки — это не то, — покачал я головой. — Вот бу-

дет вам домашним заданием: к следующей встрече посмотрите фильм целиком, от начала до конца.

Да, может, кое-где в фильме и есть перегибы, но в целом философия подана очень правильно. Там про настоящую жизнь, про то, что сила без совести — ничто, и что за человеком должна стоять правда, тогда он и будет сильным.

— Посмотрите, не пожалеете, — добавил я. — Потом обсудим. Ну а пока, парни, ставлю вам всем пятёрки по ОБЖ. Думаю, сегодня вы получили такие основы безопасности жизнедеятельности, которые никакими учебниками не передашь.

— Это точно, Владимир Петрович, — подтвердил Кирилл. — Теперь у нас есть опыт, как себя вести, если вдруг что-то похожее случится.

— Тут, как бы парадоксально это ни звучало, главное, чтобы этот опыт вам больше не пригодился, — я хмыкнул. — Знаете, это как с навыками самообороны или стрельбы. Хорошо, когда они у тебя есть, но ещё лучше, если жизнь так сложится, что применять их не придётся.

— Поняли, Владимир Петрович, — снова почти хором ответили пацаны.

Я помолчал, посмотрел на свободную эстакаду.

— Конечно, пятёрки по труду я вам не поставлю, — протянул я, — но снять лебёдку и всё остальное с моего джипа всё-таки придётся. Собственно, ради этого мы здесь и собрались.

Глава 7

Теперь у нас под рукой был не только инструмент, который пацаны притащилисобой, но и тот, что, так сказать, достался мне по «наследству» от воришки. Комплект был добротный, почти новый. Так что вопрос с демонтажом оборудования теперь упирался не в ресурсы, а лишь во время и умение.

Я понимал прекрасно, что руками мои пацаны в этой жизни толком ничего не делали. Но ничего, всему своё время. Пусть считают, что у нас сегодня не просто ОБЖ, а комбинированный урок — с элементами труда.

— Так, — сказал я, доставая инструмент из ящика. — Разбираем, пацаны. Сейчас покажу, что с этим делать.

Я выложил на капот ключи и головки. Пацаны столпились рядом, с интересом разглядывая, что к чему. Кирилл взял динамометрический ключ — тот самый, из-за которого весь сыр-бор и начался.

— Смотрите, всё снимаем аккуратно, болты не теряем, провода не рвём, всё делаем с головой.

Я действовал просто — показывал, как нужно, а пацаны повторяли за мной. Медленно, неуклюже поначалу, но с азартом. Я объяснял, как держать ключ, куда давить, как проверять натяжение болта, и внимательно следил, чтобы никто не срезал резьбу и не повредил проводку.

Кирилл старательно повторял каждое движение, Гена с энтузиазмом откручивал болты. Миша вовсе оказался смекалистым и начал угадывать, какой инструмент подойдёт ещё до того, как я просил.

Конечно, далеко не всё выходило гладко. Но мне нравилось, что они не сдавались и каждую ошибку обращали в опыт.

Через какое-то время их движения стали уверенными, пацаны схватывали быстро.

Минут через сорок дело было сделано. Мы сняли всё оборудование, которое я собирался отдать перекупам: лебёдку, защиту, дополнительные фары и прочую навеску. Всё аккуратно сложили в багажник.

Машина без всей этой груды железа выглядела по-другому — словно сбросила лишний вес. Теперь джип снова выглядел как в старые добрые.

Я довольно оглядел джип. Грязь месить я и правда не собирался. Все эти «прибамбасы для исследователей бездорожья» были мне ни к чему. Я расставался с ними спокойно, даже с некоторым удовольствием.

— Ну всё, Владимир Петрович, кажется, закончили, — сказал Кирилл, вытирая руки о тряпку и складывая последнюю деталь в багажник.

— Ещё раз спасибо, пацаны, — поблагодарил я. — Но, как говорится, спасибо на хлеб не намажешь и в карман не положишь.

— Ага, и спасибо не булькает, — засмеялись пацаны, переглянувшись.

— Вот именно, — улыбнулся я. — Но в нашем случае максимум, что у нас может булькать — это лимонад или минералка.

— Да мы ж не об этом, — заверил Гена, всё ещё смеясь. — Так, ради красного словца сказали.

— Вот это хорошо, — кивнул я. — Но я, между прочим, не ради красного словца говорю, что надо вас нормально отблагодарить. Так что подумайте, где можно накрыть вам поляну. Если есть какая-нибудь круглосуточная забегаловка, надо вас горячим чаем отпоить и досыта накормить.

Пацаны оживились, первым предложил:

— А можно тогда в круглосуточный «Макдоналдс» съездить? Там и тепло, и перекус нормальный.

— Слушай, ну это, конечно, ваше дело, — сказал я, улыбаясь. — Я только за, но, к сожалению, составить вам компанию не смогу.

— Почему, Владимир Петрович? — в голосе у Кирюхи мелькнуло лёгкое разочарование.

— Потому что у меня дома ещё дела не закончены, — пояснил я.

— Жалко, конечно, мы думали, с вами ещё время проведём, может, вы бы нам что-нибудь интересное рассказали...

Я усмехнулся, глядя на искренние лица пацанов. Уставшие, но довольные.

— Не вопрос, проведём ещё время, — пообещал я. — Но не сегодня, это точно. Да и вы особо не загуливайтесь — время уже не детское.

Я достал из кармана купюру, протянул им.

Кирилл с сомнением посмотрел на деньги, но я лишь коротко кивнул — мол, без разговоров.

Когда я уже собирался уезжать, взгляд вдруг зацепился за одну надпись на заборе вокруг эстакады. Белая краска, крупные буквы, кое-где подтеки, как будто надпись наносили впопыхах. «Работа — 200 000 рублей и больше в месяц».

Я несколько секунд молча смотрел на эти слова. Хм. Интересно, что же это за работа такая, где платят такие деньги, а объявление «на отвали» пишут на заборе...

Честно говоря, в голове это как-то не укладывалось. Ну не может быть, чтобы серьёзную работу с такой оплатой искали вот так. Сразу вспомнились те времена, когда ушлые работодатели обещали «высокий доход без опыта».

Зарплата-то, если вдуматься, и правда немалая. Для кого-то мечта, а для меня, учителя с окладом почти в десять раз меньше, уж точно звучит как издёвка.

Кирилл, заметив, куда я смотрю, тоже перевёл взгляд на забор.

— Да, Владимир Петрович, — фыркнул он, — они уже совсем охренели. Знал бы я, кто этой дурью занимается, лично бы руки оторвал.

— А что это за работа такая, знаешь? — спросил я, не

сводя взгляда с надписи.

— Да это ж... — начал Кирилл, но я его уже почти не слушал.

Мой взгляд скользнул ниже по доскам забора, где под обь-явлением были оставлены контакты — криво выведенные, но разборчивые.

Телефон, а рядом... латиницей, крупно, с жирной чёрной линией подчеркивания было выведено: Собра.

Мои брови сами собой поползли вверх, а по спине пробежал холодок. В голове всё складывалось в картинку.

Кобра...

Вот она «работа» за двести тысяч в месяц. Та самая, в которую вляпался брат Марины по уши...

Охренеть, прямо посреди белого дня, не прячась, вот так толкать такую тему...

— Совсем страх потеряли, — сухо прокомментировал я.

Кирилл пожал плечами, видно было, что ему и самому противно смотреть на эту надпись.

— А их же хрен поймаешь, Владимир Петрович, — сказал он с досадой. — Нет, конечно, потом такие штуки закрашивают, вы же знаете... Да и у нас и в школе об этом постоянно толдычат, воспитательные беседы, туда-сюда. Только толку от всего этого... ну, мягко говоря, ноль. Сегодня надпись замажут, а завтра снова нарисуют. И главное — ведутся ведь! Малолетки, у которых головы пустые, верят в эти сказки про лёгкие деньги...

Я слушал вполуха, потому что мысли уже пошли в другом направлении. Глаза снова скользнули по надписи. Я запомнил адрес, куда, по идее, нужно было обращаться «соискателям».

Развивать эту тему с Кириллом я не стал. Есть такие вещи, которые нельзя даже касаться. С таким дерьмом не разбираются — от него держатся подальше, как от гнили, которая разъедает всё, к чему прикоснётся.

— Пошли, Кирилл, — сказал я, отводя взгляд от забора и направляясь к машине.

Пацаны уже расселись по местам. И вдруг Гена, сидевший на заднем сиденье, поднял голову от телефона, оживился и почти выкрикнул:

— Ни хрена себе, пацаны! Вы видели, что в нашем городском паблике в новостях пишут?

— А чё там? — Кирилл, севший на переднее сиденье, обернулся.

— погоди, ща покажу, — пробормотал Гена, водя пальцем по экрану.

В машине мгновенно стало шумно. Парни старались разглядеть экран, на котором, судя по интонации Гены, творилось что-то из ряда вон выходящее.

Я молча завёл двигатель и вывел машину с площадки. Фары прорезали темноту, асфальт под колёсами зашуршал.

— Тут у нас этой ночью шиномонтажка нафиг сгорела, прикиньте! — Гена наконец показал экран остальным. —

Вот буквально пару часов назад, походу.

— Да ну! Где это?

— Да тут, в промзоне, где-то на окраине... — ответил Гена, вчитываясь в пост.

Я слушал краем уха. Совпадений, конечно, бывает много... Но очевидно, речь шла о шиномонтажке Али, которую я, собственно, и спалил к чёртовой матери.

В принципе, ничего удивительного. За ночь в городе горит многое — склады, гаражи, киоски. Пожарные ездят без отдыха, но пацаны явно заинтересовались сильнее, чем следовало.

А потом... я резко ударил по тормозам. Джип встал как вкопанный прямо посреди дороги. Если бы хоть одна машина ехала сзади, нам было не избежать столкновения, но, к счастью, улица в этот поздний час была пустая.

Причина такой реакции была проста — я услышал слова Гены.

— Пацаны, — сказал он, не отрывая глаз от телефона, — а это ведь, если мне память не изменяет, шиномонтажка дяди нашего Борзого.

Никто, конечно, не был пристёгнут. В результате все трое моих учеников врезались друг в друга и в передние сиденья.

Я повернулся и уставился на Гену. — погоди, ты сказал, это шиномонтажка дяди Борзого? Ты уверен?

Гена, который во время торможения выронил телефон, наклонился, нащупывая его где-то под сиденьем. Пару се-

кунд в машине было слышно только его шуршание и тихое сопение. Наконец он выпрямился, прижимая телефон к груди, и посмотрел на меня.

— Ну да, Владимир Петрович, — усмехнулся Гена, — а вы что, ещё не слышали эти его рассказы? У Борзого же дядя — владелец фабрик, заводов и парохода! Он вам, значит, ещё не успел это рассказать?

— А почему мы остановились? — спросил Кирилл, почесывая лоб, которым ударился о торпеду.

Я ничего не ответил. Молча включил передачу и тронулся. В голове уже вовсю заработал внутренний механизм анализа.

Если Гена не ошибся, и действительно та сгоревшая шиномонтажка принадлежала дяде Борзого... тогда картинка начинала принимать крайне неприятные очертания.

Выходит, что этот самый «дядя Борзого» — это никто иной, как Али. А значит, его «племянничек» — мой ученик...

Если всё так и есть, то выходит, что именно этот пацан пытался снять у меня лебёдку. И, выходит, именно он пытался вогнать мне шило в бок.

Я сжал руль чуть сильнее, чувствуя, как в висках стучит пульс.

— Ну и дела, — пробормотал я, почти неслышно.

Конечно, я прекрасно понимал, что пацаны в этом возрасте любят приукрасить. Для них сказанное с уверенностью

уже звучит как правда. Каждый второй — сын генерала, каждый третий — родственник депутата, а остальные якобы держат «фирму» или знакомы с кем-то «серьёзным».

Так что... Борзый, вполне возможно, просто навешал лапши. Мог ведь и сам придумать, что у него дядя — тот самый Али. Ради понта и статуса в глазах друзей. Да даже ради обычного подросткового бахвальства.

Может, просто слышал где-то это имя и решил присвоить себе родство для важности.

Да, можно было бы легко принять такую версию. Всё выглядело логично, пока в голове не всплыло одно «но».

Я вспомнил пластику движений воришки... и в груди кольнуло неприятное осознание. Похоже, это был мой ученик.

Я сжал губы, чувствуя, как холодное раздражение расплывается где-то под рёбрами. Если мои догадки верны, то выходит, что вся эта история — не просто случайность. А если всё действительно так, если предположить, что тот самый воришка и есть Борзый, то пазл складывался воедино.

Всё становилось ясным. У вора сразу появлялась вполне объяснимая мотивация.

Не скажу, что удар прилетел совсем уж откуда не ждал — от Али я подобного ожидал, там всё было очевидно. Он человек злопамятный и обид не забывает. Но вот то, что в этой истории всплыл Борзый... и тем более в роли его племянника... вот этого я, пожалуй, не просчитал.

С этим парнем я был уверен, что вопрос закрыт. Мы тогда всё выяснили на пустыре, вроде бы поставили точку. Но, как оказалось, точка оказалась запятой.

Теперь оставалось понять другое — действовал ли Борзый по собственной инициативе или за ним стоял сам Али. Был ли тот в курсе, что его юный родственник решил резануть меня по-тихому?

Или сам дядюшка дал зелёный свет на всю эту авантюру, а Борзый просто с радостью ухватился за возможность «проявить себя»?

Вопросы, конечно, интересные.

Только толку от них мало.

Ответов у меня на данный момент не было, а я не из тех, кто любит ломать голову над пустыми догадками. Это сродни попытке вычислить, почему Земля круглая. Может, у кого-то на это есть ответ, но у меня — точно нет. И главное — я не собираюсь копать в том, что сейчас всё равно не раскопаешь.

Я всегда считал, что или ты знаешь, или не трогаешь тему, пока не появятся факты. Всё остальное — шум и трата времени.

Поэтому я лишь глубже вдохнул, облокотился на руль и позволил мыслям остыть.

По большому счёту, мне уже было безразлично, знал ли Али обо всём этом или не знал, сам ли отдавал приказ племяннику или тот действовал по собственной инициативе.

Для меня они оба теперь были одинаковы — два сапога пара, один другого не лучше. Оба привыкли решать вопросы грязно и исподтишка.

С этими мыслями я ехал молча, почти не замечая дороги. Фары выхватывали из темноты обочину, редкие вывески, пустые остановки.

Наконец показались яркие жёлтые арки круглосуточного «Макдоналдса». Уже на подъезде здесь пахло жареным маслом, которое разжигало аппетит. Я остановил джип у входа, перевёл рычаг в парковку.

— Всё, молодёжь, приехали, — сказал я, оборачиваясь к пацанам. — Отдыхайте. А я поехал.

Пацаны начали выбираться из машины.

— Владимир Петрович, — вдруг сказал Кирилл, держа дверцу открытой, — а вы сами верите, что у нашего Борзого правда дядя бизнесмен? Мне вот кажется, он просто нам по ушам ездит, чтобы казаться круче, чем есть на самом деле.

— Знаешь, Кирюха, человека делают не родственники и не связи, а только он сам. Всё остальное — шелуха, — расплывчато ответил я.

Кирилл, кажется, хотел что-то добавить, но потом передумал, просто пожал плечами.

— Понял, Владимир Петрович.

— Вот и хорошо, — ответил я.

Пацаны направились к «Макдоналдсу», громко смеясь и переговариваясь между собой.

Я же тронулся и поехал дальше. Вечер у меня на этом не заканчивался. Впереди ещё предстоял разговор с Аней, которого я, честно говоря, ждал без особого энтузиазма.

Аня наверняка уже успела накрутить себя по поводу Рекса и того, что я «отдал бедную собаку на бойцовские тренировки».

Зная её характер, разговор обещал быть занимательным. Ну что ж, переживу. Не впервой разбираться с тем, что женщина считает «негодяйством».

А насчёт Али и его племяшки... подумаю, какой урок этим падлам преподать.

Но сначала нужно было решить бытовую часть. Машину нельзя оставлять на улице в родном дворе, когда есть хотя бы тень шанса, что кто-то захочет её вскрыть. Вот отдам оборудование перекупаю — и тогда уже можно будет расслабиться.

Я взглянул на экран телефона, отметив время. И принял решение поехать не домой, а на школьный двор, чтобы там бросить на ночь тачку. Конечно, вариант не очень удобный, но на ближайшую ночь — рациональный компромисс между безопасностью и логистикой.

Вскоре я уже подъезжал к воротам школы. Те предсказуемо были закрыты — вахтёр запирает двор на ночь. Я вышел из машины и уже хотел нажать на звонок на калитке, чтобы выдернуть вахтёра. Но вместо этого я остановился и нахмурился.

В окнах спортивного зала горел свет.

Первой мыслью было, что я забыл свет выключить. Но логика отказывалась принимать это объяснение. Если бы свет действительно оставил я по случайности, то вахтёр непременно заметил бы это при обходе.

Но вспомнилось и то, что вахтёр арендует спортзал по вечерам. Но сейчас было уже далеко за полночь...

Хм...

Не спеша я открыл ворота, загнал джип на школьную стоянку. Поставил тачку на сигнализацию и, не торопясь, подошёл к крыльцу школы.

Дёрнул за ручку входную дверь, но она не поддавалась: заперто. Логично и предсказуемо — ночь, распорядок, вахтёр закрывает всё на ключ...

Я на миг задумался. Можно было постучать, позвонить — вахтёр бы открыл, и всё бы прояснилось быстро. Но делать этого не хотелось: уведомлять сторожа о своём приходе значило лишить себя преимущества наблюдателя.

Так, так... что делать? Дверь закрыта, конечно, но не беда. Меня никогда не останавливали запертые двери, особенно когда есть цель.

Я огляделся по сторонам: двор молчит, слабый свет из окон спортзала режет тьму узкими полосами. А вот на левом крыле здания я увидел окошко, приоткрытое на проветривание.

Глава 8

Конечно, с моей нынешней комплекцией лезть через окно — это не самый удачный вариант. Можно, как Винни-Пух, застрять где-то посередине и позорно болтать ногами в воздухе.

Но другого пути внутрь всё равно нет, а отступать я не собирался.

Перед тем как подойти к окну, я поднял голову и заметил камеру, висящую над школьным крыльцом. Маленький объектив смотрел на меня чёрным стеклянным глазом.

Я прекрасно понимал, что камера наверняка пишет всё, что происходит у входа. То есть мои передвижения уже попали под запись. А значит, если сторож на месте и делает хотя бы вид, что работает, он увидит, как я тут верчусь, и должен будет выйти.

Вот только внутреннее чувство подсказывало, что сторож, скорее всего, либо спит, либо занят чем-то таким, ради чего ему сейчас не до мониторов. Иначе бы давно показался на крыльце и спросил, что я тут делаю.

Недолго думая, я просунул руку в приоткрытое окно и провернул ручку изнутри. Створка вышла из режима проветривания, открывшись настежь.

Для приличия я всё же подождал минуту-другую, стоя рядом с окном. Вдруг сторож проснётся, заметит движение

на мониторе, выйдет на крыльцо. Тогда можно будет объясниться, не прибегая к акробатике.

Но, как я и ожидал, никто никуда не вышел.

— Что и требовалось доказать, — выдохнул я.

Я присел на подоконник. С моими нынешними габаритами это было, мягко говоря, не самое изящное движение. Ноги просунул внутрь, упёрся руками в раму и медленно, с усилием, почти перекатился через край. Спина задела раму, куртка зацепилась за ручку, но в итоге я всё же оказался по ту сторону окна.

Оказавшись внутри, я первым делом осторожно прикрыл за собой окно и снова поставил его в режим проветривания, чтобы всё выглядело ровно так, как было до моего появления.

Я выпрямился, осмотрелся. Коридор тянулся прямо к спортзалу. Мягкий свет падал и со стороны «поста» вахтёра. Вот сейчас и узнаю — спит он или не спит.

Я подошёл ближе. На столе горела лампа, но самого вахтёра не было. Кружка с недопитым чаем стояла на краю, стул отодвинут так, будто человек встал ненадолго и вот-вот должен вернуться.

Однако, судя по выключенному телевизору, вернётся он явно не скоро. Телевизор у вахтёра обычно работал без перерыва.

Вариантов было немного. Миша, конечно, мог отойти на дежурный обход. Всё-таки сторож обязан ночью проверить

здание фонариком. Только вот в это верилось с трудом. Я успел хорошо узнать этого человека, чтобы поверить, что он соблюдает инструкции.

Нет, здесь было что-то другое. То, ради чего он покинул пост, оставив включённый свет и выключенный телевизор.

Я не стал тянуть — сразу направился к дверям спортзала. В такие моменты главное не суетиться, но и не медлить. Всё может быть — от пьяных компаний до чего похуже, и я внутренне был готов ко всему.

Когда до дверей оставалось всего несколько шагов, я вдруг отчётливо услышал голоса.

Причём не один, не два — там явно собралась компания, человек шесть, если не больше.

— Так... интересно, — тихо сказал я себе.

Я вспомнил, как совершенно случайно застал нашего вахтёра в компании двух женщин и одного мужика, которые притащили торт и какие-то пакеты. Тогда я решил закрыть глаза на это — ну, подумаешь, посидели, отдохнули...

Я подошёл ближе и теперь услышал, как внутри спортзала заиграла музыка.

Вообще в моё время было вполне обычным делом устраивать в школьных столовых или спортзалах всякие свадьбы, юбилеи, да и просто застолья.

Почему бы и нет?

Просторно, тепло, да и бюджетно — не ресторан, конечно, но зато столы расставить легко. Вот также музыку включить

можно, и никому до этого дела особого нет. Народ отплясывает, дети бегают по коридорам, все довольны.

Вот только сейчас был не тот случай. Во-первых, сегодня явно не выходной. Ночь с понедельника на вторник — сомнительное время для праздников. Обычно такие вещи делают в пятницу, максимум в субботу.

Во-вторых, сомневаюсь, чтобы завуч разрешила проводить подобные «торжества». Соня у нас глазастая, из тех, кто чувствует нарушения на расстоянии. Даже если кто-то не закрыл окно в кабинете, она уже в курсе. И уж точно она не позволила бы превращать спортзал в ночное кабаре.

Хотя, если быть честным, странно другое — что завуч, при всей своей патологической наблюдательности, до сих пор ничего не знает о том, что вахтёр открыл целый подпольный бизнес.

А может, она и знает. Просто закрывает глаза — из тех соображений, что «меньше знаешь, крепче спишь». Или, что хуже, сама получает долю.

Я не стал тянуть резину: медленно, чтобы не выдать себя скрипом, приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы заглянуть внутрь, но не попасть в зону прямой видимости.

Музыка вдруг резко прекратилась. И то, что я услышал дальше, заставило вскинуть бровь.

— Давай, бей его, бей этого уроды! — раздался гомон женских голосов.

Вот это да... ни хрена себе, куда я вляпался! Карнавал,

да и только. Только вот совсем не тот, куда хочется попасть ночью. У меня даже дыхание на секунду сбилось — боюсь представить, кого там сейчас колотят.

Первой мыслью было, что это вахтёру досталось. Может, мамка пацана, которому Миша толкал свои «чудо-товары» и который сдал его с потрохами, решила устроить самосуд?

Но уже через секунду я понял, что что-то не сходится. Мамок было откровенно многовато...

Что тогда? Обманутые покупательницы решили отомстить вахтёру? Вполне логично: он толкал им свои «чудо-мази» и «волшебные средства», обещал омоложение, похудение, избавление от всех болезней. А на деле продавал обычную китайскую муть. И вот теперь клиентки решили выбить из него компенсацию в натуре.

Но стоило мне подумать об этом, как из-за двери донёсся новый крик — ярче, злее, с хрипотцой:— Да! Бей его! Бей за всё, что он тебе сделал в жизни!

И... эти слова выкрикивал вахтёр!

Я приоткрыл дверь ещё немного, чтобы увидеть всё собственными глазами. В ту же секунду музыка снова накрыла помещение.

— Пошлю его на-а небо за звездочкой! — донеслось из динамика.

Честно говоря, у меня чуть подбородок не отвалился от увиденного. Картина, открывшаяся в щель двери, больше походила на сюрреалистическую постановку, чем на реаль-

ную жизнь.

Посреди спортзала стояла целая компания женщин — человек двадцать, не меньше. Разного возраста, но все нарядные. По углам мигал свет гирлянды, а в стороне стоял импровизированный «банкетный» стол — обычная школьная парта, судя по всему, перетасканная сюда из какого-то кабинета. На ней стояли торт, шампанское, пластиковые бокалы и тарелки.

Всё чин по чину, в лучших традициях «домашнего праздника», если бы не одно «но».

Женщины в зале не пели, не плясали и даже не ели. Нет — они стояли кругом в центре, взявшись за руки. Вернее, не стояли, а сидели на коленях, будто собирались водить хоровод по древнему ритуалу. Круг был плотный, замкнутый, с лицами, сосредоточенными до странности.

В центре этого живого кольца стоял вахтёр. Выглядело так, словно это он дирижировал всем этим безумием. На нём был одет строгий серый костюм, родом ещё из советских времён.

Всё это было, мягко говоря, занимательно. Только вот занимательность эта граничила с чистым безумием. Ни хрена не понятно, что тут вообще происходит.

Среди женщин я узнал знакомые лица — учительницу русского языка, нашу биологичку и, если глаза меня не обманывали, саму завуч. Да, именно Софию Михайловну — ту самую, что устраивала выговоры за любую мелочь.

Теперь завуч стояла на коленях рядом с другими, держа соседку за руки и глядя на вахтёра, как будто ждала от него приговора или благословения.

Я попытался хоть как-то уложить это в голове. Может, это розыгрыш? Репетиция спектакля?

Но дальше случилось то, что окончательно поставило крест на попытках найти здесь хоть какое-то логическое объяснение. Одна из женщин, что сидела ближе всех к вахтёру, вдруг резко поднялась на ноги. Её лицо вспыхнуло румянцем, глаза заблестели. Она вскинула голову и выкрикнула во всё горло, с каким-то безумным надрывом:

— Я могу! Я сильная!

Женщина оказалась нашей учительницей по физике. Её голос ещё дрожал от напряжения, а глаза сверкали непонятной смесью восторга и решимости.

Вахтёр подхватил пафос её порыва:

— Давай, покажи всё то, что у тебя накопилось внутри. Отмсти ему, не держи в себе обиду и злость. Выплесни это наружу и избавься от всего, что тебя с ним связывает!

Он говорил быстро, словно читал заученную проповедь, и женщины вокруг отвечали ему одобрительным гулом.

После этого вахтёр внезапно схватил какую-то бутылку и стал брызгать из неё физичке в лицо водой — как будто поливая перед началом ритуала, чтобы вызвать у неё окончательное «преображение».

Вздохи, возгласы и шорохи одобрения заполнили зал.

Некоторые женщины закрывали лицо руками, другие, наоборот, расправляли плечи и подставляли лица, чтобы хоть чуть влаги попало на них.

В голове мелькнула мысль о чудителях и шаманах, кто в девяностые обещал исцеление и чудеса по телефону. Казалось, подобные практики должны были остаться в прошлом, но нет. Передо мной разворачивалась современная версия ритуальной мессы.

Теперь главный вопрос — как вообще всё это понимать? Первое, что пришло в голову: вахтёр, старый хрыч, устроил в моём спортзале не просто кружок по интересам, а самую настоящую секту. И, судя по составу присутствующих, половина «прихожан» — это мои же коллеги из педагогического коллектива.

Ну и дела...

Секта в школе. Причём не где-то в заброшенном подвале или на квартире, а прямо в нашем спортзале, где днём проходят уроки физкультуры, а вечером, оказывается, проходят «духовные практики».

Если честно, такие темы у меня всегда вызывали стойкое раздражение, без примеси любопытства или иронии. Я видел, как подобные «просветлители» зарабатывают на доверчивости людей, играя на их боли, одиночестве и неуверенности. Этих торговцев счастьем я искренне презирал. И было за что.

Они под видом заботы о душе продают воздух. Людям,

которые ищут опору, они вместо помощи подсовывают утешительный бред в блестящей упаковке. Мол, выпей этот настой, сходи на ритуал, повтори мантру — и все беды исчезнут.

Люди хватаются за это, как за спасательный круг, несут последние деньги, а потом оказываются там же, где и были — только беднее, но с новыми иллюзиями.

И вот теперь я стоял в своём же спортзале и наблюдал, как часть моих коллег, людей с высшим образованием, верящих в науку и воспитание, сидят на коленях и ловят каждое слово какого-то полубезумного вахтёра, брызгающего водой и кричащего о «внутреннем очищении».

Вахтёр, кстати, не сбавлял оборотов.

— Скажи, за что ты его ненавидишь, выплесни всё, что накопилось, — прошипел он. — Здесь он никуда не уйдёт, и никто об этом не узнает.

Учительница по физике разогревалась на глазах.

— Ты козёл, — вырвалось у неё, — я всем сердцем ненавижу тебя за всё, что я терпела: за то, что ты заставлял меня убирать разбросанные по квартире носки, за то, что ты никогда не доедал еду, за то, что ты не ставил посуду в раковину...

Голос её ломался, переходя в крик, и в каждой фразе слышалась не только обида, но и жестокая самоуверенность. Она уже не стыдилась своих обвинений.

— Выскажи, выскажи всё, что думаешь, — подбадривал

вахтёр, — он должен понести за это ответственность и наказание!

Пока физичка бодрилась, я перевёл взгляд на Софу. Она сидела на коленях среди «сестёр по вере» и выглядела так, будто участвует в каком-то торжественном приёме. Нарядилась, судя по всему, во всё лучшее, что имелось в её гардеробе: блестящее платье, колье, туфли на каблуках. Увидеть её в этом виде среди участниц секты было... мягко говоря, сюрреалистично.

Вот оно, объяснение всех недавних «чудес» и почему никто в школе не трогал вахтёра. Почему его подпольный магазинчик под самым носом у администрации так и не прикрыли. Завуч — его «крыша». Точнее, не крыша, а одна из «посвящённых».

Всё становилось на свои места. Этот старый хмырь оказался куда хитрее, чем выглядел. Он не просто организовал секту, а построил её прямо в структуру школы, превратив учреждение образования в свой личный кружок по эмоциональной дрессировке женщин.

А ведь я вспомнил, что Марина тоже в эту тему вляпалась... То, что Марина туда ходила, само по себе выглядело странно, но объяснимо — молодая, наивная, эмоциональная. Но завуч?..

Впрочем, дальше было больше.

Учительница по физике вдруг заплакала, слова застряли у неё в горле. Она покачала головой и, судя по всему, отка-

залась идти дальше.

Вахтёр не отступил, переместил фокус на аудиторию и скользнул взглядом по собравшимся.

— Кто готов отомстить здесь и сейчас? — прошипел он.

Все женщины смотрели в пол, а вот завуч подняла руку.

— Я готова! — выкрикнула она.

Женщины вокруг ответили шумом одобрения.

Соня встала с колен, сделала шаг вперёд и выкрикнула:

— Ненавижу!

— Давай смелее, ты сможешь, выкрикивай это ему в лицо, снимай с себя груз! Пусть он получит по заслугам! — подключился вахтёр.

Завуч, будто обезумевшая от накатившей на неё волны эмоций, начала выкрикивать свои обиды. Фразы сыпались одна за другой — бытовые претензии, мелкие унижения...

Но у меня тотчас сформулировался вопрос — а кому, чёрт возьми, это всё адресовано?!

На мгновение, скользнув взглядом по центру круга, я отчётливо увидел на полу силуэт... Кто-то, какой-то мужик, лежал без сознания на полу спортзала у ног Миши.

Ну а кто это было, стало понятно, когда София выкрикнула имя трудовика...

— Я тебя ненавижу! — прорычала она.

Я приоткрыл дверь ещё, и вот тут мои худшие догадки обрели конкретную форму.

Посреди круга, у ног вахтёра, похоже, лежало бледное,

безжизненное тело трудовика. В луже крови, которая медленно расплзлась по полу.

Они его что, на хрен, замочить собрались?!

Похоже, что да... этот старый хмырь вдруг протянул Соне нож....

Я не стал думать — думать было некогда. Когда завуч подняла нож и замахнулась, я рванулся вперёд, действуя на инерции и на том, что в таких случаях обычно работает лучше всего — скорость и решимость.

Мне удалось сократить дистанцию до мымры молниеносно. Последние метры я уже не бежал, а нырнул вперёд одним прыжком, чтобы сбить завуча до того, как лезвие вонзится в бессознательное тело.

Я подскочил к этой дуре с боку, схватил за запястье и в одно движение повернул руку так, чтобы лезвие прошло мимо и не попало в цель.

Нож выпал из её рук. Я тут же сориентировался и оттолкнул его подальше к стене, чтобы в дальнейшем видеть его и контролировать ситуацию, если кто-то захочет его взять.

— Ты что творишь, одумайся, — сказал я, сидя сверху на девчонке, — ты же его убьёшь, дура!

Завуч, кстати, не пыталась сопротивляться, а просто смотрела на меня вытаращенными глазами; такое впечатление, что она находилась в агонии и не понимала, что происходит и что она вообще творит.

Музыка, которая продолжала играть во время этого дей-

ствия, наконец выключилась. В спортивном зале повисла крошечная тишина.

Я на секунду задумался: что будет, если вдруг эти бабы, руководимые вахтёром, решат пустить в расход меня вслед за трудовиком?

Вот блин — будет нелепая смерть. Такая даже в страшном сне не приснится: умереть, когда я вписался за этого идиота. И при этом сдохнуть сам от рук тех самых женщин, которых он обидел.

Да такое даже экранизировать можно; талантливый режиссёр, приложив старания, может какую-нибудь кинопремию за такую ленту получить.

Но, положив руку на сердце, прямо сейчас мне было совсем не весело, потому что я не понимал, чего ждать. Но, слава Богу, бросаться на меня, пытаться связывать или валить на пол никто не спешил.

Понимая, что завуч не собирается оказывать мне хоть какое-то сопротивление, я поднялся на ноги.

Следовало помочь трудовику, которому крепко досталось от этих обезумевших баб. Я понимал, что нужно срочно вызывать скорую, иначе шансов спасти его может не остаться. Всё-таки ножевые ранения штука коварная.

Поднявшись, я увидел, что весь пол вокруг трудовика был перепачкан в свежей крови — его крови.

Лежащее на полу тело даже не шевелилось и не подавало никаких признаков жизни.

Плохи дела, видимо.

Трудовик лежал лицом вниз.

Неужели всё... убили?

Дальше всё шло как в замедленной съёмке. Вахтёр взвизгнул и схватился за голову. Несколько женщин вскочили, за верещали.

— Скорую вызывайте, дуры, вы же человека убьёте, — заорал я.

Бабы с выпученными глазами просто наблюдали за происходящим. Тут же, блин, можно попасть и на заранее запланированное убийство по сговору, и тогда всем этим сектанткам дадут такие сроки, что в тюрьме и умрёшь...

Однако никто из них даже не пошевелился, чтобы позвонить и вызвать карету скорой помощи.

Я решил, что вызову скорую сразу после того, как окажу трудовику первую медицинскую помощь.

Подбежал к трудовику, опустился на колено рядом с ним, перевернул и... замер от неожиданности.

— Да какого хрена здесь происходит? — вырвалось у меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.